ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Մ. Խ. ԱԲԵՂՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀՈՎՍԵՓ ՕՐԲԵԼԻ

ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՌԱԿՆԵՐԸ



ՍՍՌՄ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ՄՈՍԿՎԱ-ԼԵՆԻՆԳՐԱԴ
1956

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. М. Х. АБЕГЯНА

ИОСИФ ОРБЕЛИ

БАСНИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1956

Редактор
А. Т. Ганаланян

Рисунки к басням
художника М. Н. Моха

Титулы, переплет и форзац
художника С. Н. Тарасова

Форзац по армянской набойке начала XIV в.

Конгревное тиснение на переплете
воспроизводит армянские солнечные часы
конца XII века из раскопок в гор. Ани

Сыну моему единственному.
Димитрию Орбели,
посвящена эта книга

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основную задачу этой маленькой книги я вижу в том, чтобы дать читателю в доступной и не-специалисту форме представление, как и в чем свидетельства басен Мхитара Гоша и Вардана Айге́кца могут помочь правильному пониманию истории средневековой Армении (да и всего Кавказа), обстановки XII—XIII вв.

Мхитар Гош, умерший в 1213 г., принадлежит к числу наиболее видных деятелей армянской культуры конца XII в. О его жизни и весьма многосторонней деятельности сообщают современные ему письменные свидетельства, из которых особую ценность представляют сведения историка XIII в. Киракоса Гандзакца. Он уделяет много внимания и места разносторонней характеристике Мхитара Гоша, неизменно проявляя к нему подчеркнутое уважение как к деятелю армянской церкви, умудренному в области богословия, и подчеркивая, что Мхитар пользовался исключительно большим авторитетом среди своих современников в вопросах, касающихся церковного распорядка и монастырского устава.

Это было в период особо обостренных и бурных споров, относившихся к области монастырского землевладения и назревшей неотложности лишения церковных феодалов права сохранять за собой после пострижения владельче-

ские права на земельные и иные вклады в монастырскую общину.

Основным и главным трудом Мхитара Гоша является его Судебник, при составлении которого он использовал и ветхозаветные законы, и византийские судебники, и обычное право армян и соседних народов. В этом Судебнике он показал себя прогрессивным, опережающим свой век мыслителем.

Прогрессивность миропонимания и мышления Мхитара Гоша проявилась не только в том, что он не считал возможным признавать свой Судебник законченным и завершенным трудом, исходя из необходимости и на протяжении своей дальнейшей жизни вносить дополнения и поправки и настаивая на внесении тех и иных изменений другими лицами на протяжении времен. Образным выражением и обоснованием этой мысли, мне кажется, является одна из самых замечательных басен Мхитара (136), где проводится мысль, что действия человека, худые и хорошие, зависят не от его усмотрения и личного желания, а от времени, окружающей обстановки, общественной среды.

В еще большей мере и более конкретно прогрессивность Мхитара сказывается в неуклонно проводимой им тенденции к смягчению наказаний за самые тяжелые преступления и последовательных рекомендациях заменять смертную казнь, как высшую меру, другими тяжелыми, но сохраняющими виновному жизнь карами, как «вразумление» через отдельные члены тела и органы (т. е. отсечение или вообще устранение органов), как ослепление и пр. При всей жестокости этих «вразумлений» они являются более мягкими, чем применявшиеся в это время и в позднейшие века в Западной Европе костры для сжигания живьем и котлы с кипящим маслом или смолой, куда окунали живых людей.

Но особенно бросаются в глаза в мхитаровском Судебнике статьи, говорящие о взысканиях с господина за причиненный здоровью работника и даже раба ущерб в случае возложения на него непосильного труда или непринятия мер к проветриванию зерновых ям до спуска туда наемника для работы, во избежание отравления удушливым воздухом и т. п.

Наряду с этими статьями, говорящими об охране труда (как ни странно звучат эти слова в применении к Судебнику XII в.), особенно привлекают внимание статьи, говорящие о взысканиях за вовлечение детей и подростков в опасные для их здоровья игры и состязания, например в чрезмерно высоких или длинных прыжках, в поднимании непосильных тяжестей, и статьи, направленные против осуждаемой Мхитаром склонности юношей биться об заклад с подростками моложе себя о выполнении непосильных для малолетнего спортивных заданий, статьи об ответственности врачей за применение непроверенных лекарств, за неправильные операции и причинение ошибочным лечением смерти и т. д. Этот раздел Судебника имеет отклики и в баснях Мхитара, среди которых несколько басен специально относится к врачам во главе с великим Галеном (20, 39).

Среди трудов Мхитара, перечисленных Киракосом Гандзакцем, мы не находим прямого указания на его творчество в области басен и на приписываемый ему басенный сборник, что привело Марра к ошибочному заключению, ставящему под сомнение принадлежность басен Мхитару. Между тем не только подсказанное рукописным преданием имя Мхитара Гоша, как составителя сборника басен, но и направленность этих басен и сквозящее в десятках случаев соответствие басен Мхитара не только общим тенденциям, но и отдельным статьям Судебника, как я думаю, вполне обосновывают принадлежность басен Мхитару.

Другим замечательным баснетворцем средневековой Армении являлся младший современник Мхитара — Вардан Айгекский или Айге́кец, расцвет деятельности которого падает на 20—30-е гг. XIII в. С его именем связаны весьма многочисленные рукописные сборники басен и притч, часть которых вошла в состав «Лисьей книги», в XIII же веке переведенной, как доказал это Марр, на арабский язык.

Сведения о биографии Вардана, который был известен как замечательный проповедник, зажигавший своих слушателей и бывший выразителем их чаяний, весьма скудны. Но дошедшие до нас его басни и проповеди, всегда насыщенные иносказаниями, рисуют его как человека из народных низов (что сказывается и в особенностях его языка и литературного стиля), выражающего бесправие и обездоленность народа, который несет на себе все тяготы феодального строя.

Как деятельность Мхитара Гоша была связана с северными окраинами Армении и культурно арменизованной областью Арцах (Верхний и Нижний Хачен), так деятельность Вардана была связана с южными окраинами Армении, пограничными с Сирией (районы Малатии). Вардан много испытал от хозяев положения, которых он разоблачал в своих проповедях.

Говоря о баснях Вардана, нельзя не упомянуть об армянских сборниках под названием «Лисья книга», имевших необычайное распространение и неоднократно издававшихся еще в XVII в. Первое издание вышло в Амстердаме (1668), где была большая армянская колония и замечательная типография; последующие издания вышли в Марселе (1683) и в Ливорно (1698).

Ценность басен Вардана и Мхитара для освещения наиболее темных вопросов социальной истории средневековой Армении, особенно ярко бросающаяся в глаза на фоне

почти полного молчания других письменных источников того времени об этой стороне истории армянского народа, располагала меня к тому, чтобы из всего басенного наследия, связанного с этими двумя именами, выбрать ограниченное число басен, говорящих о взаимоотношениях между различными слоями общества, о нарастающем среди низов протесте против несоизмеримого благосостояния и легкой жизни верхов, об отношении народа к церкви и ее служителям, — словом, только те басни, которые нужны для характеристики конкретно взятых и наиболее невыясненных сторон исторической обстановки.

Но по мере углубления работы стало ясно, что такой подход к этому материалу, несомненно облегчая и ускоряя выполнение основной задачи, не будет полезен и даже может оказаться вредным для дела.

Предвзятый, строго ограниченный подбор материала, привлечение только басен, особо насыщенных отражениями различных моментов социальной борьбы, и сопоставление наследия Мхитара со сборниками, связанными с именем Вардана, только под этим углом зрения, даже при десятках оговорок и пояснений, могло бы привести к совершенно неправильному восприятию читателем если не авторов, то составителей этих сборников как людей, устремивших тогда, на грани XII—XIII вв., все свое внимание только на «агитационную работу» в процессе напряженно развивавшейся классовой борьбы. Могло бы получиться представление о Мхитаре и Вардане как о людях, которые ничем иным в окружающей обстановке не были ни заинтересованы, ни озабочены, кроме вопросов социального неравенства, растущего разрыва в правовом положении различных слоев армянского народа. Между тем и Мхитар Гош, и составители вардановских сборников откликались на самые разнообразные стороны и явления окружавшей их жизни, отнюдь не ограничивая себя даже кругом вопросов обще-

ственной морали, воспитательного воздействия в целях искоренения или исправления обычных человеческих пороков и недостатков, тем более что Мхитар изложил в некоторых баснях свои взгляды по ряду общих, глубоко принципиальных вопросов, которые затрагиваются также и в сборниках Вардана.

Среди такого рода тем особо ценной, учитывая время и место (Армения, XII—XIII вв.), является, конечно, тема о необходимых условиях, которым должно удовлетворять научное исследование (7), или тем более тема о зависимости психики и морали отдельного человека от общественной среды (136). Уже простое уважение к пусть наивно выраженной, но действительно глубокой мысли басни о трех сновидениях (136) ставило вопрос о целесообразности включения в настоящую работу и таких басен, которые, откликаясь на те или иные общечеловеческие пороки и недостатки, тем самым ярче обрисовывают общественную среду, в которой жили и творили Мхитар и Вардан, в своих мыслях, помыслах и чаяниях никак не меньше зависевшие от окружавшей их общественной среды, чем бедняк, разгадавший при помощи змея три сновидения царя, зависел в своих поступках от времени, когда люди были подобны невинным овечкам, были подобны коварным лисицам, были подобны разящим мечам (136).

Вот почему в данную книгу включены переводы басен, обличающих и ханжей, и обманщиков, и наглых воров, и самозванцев, и тех, кто не прочь сбросить личину общественной полезности, рискуя быть осмеянным, лишь бы только предварительно добиться хоть на короткое время общественного признания.

Это расширение плана данной книги может быть полезно и в другом отношении: оно разнообразит подбор действующих лиц, а это уже само по себе интересно, поскольку одни и те же обычные в баснях звери предстают

в фольклоре различных народов не всегда с одними и теми же характерными чертами, свойствами и повадками. В частности, в армянском фольклоре у некоторых басенных зверей мы видим иное, чем обычно, нравственное лицо; достаточно напомнить, что многохитростная лиса предстает и в роли пострадавшей, обманутой то человеком, то царем птиц — орлом.

Наконец, расширяя круг басенных тем, включенных в настоящую книгу, трудно было удержаться от включения наряду с баснями также и тех маленьких, точнее миниатюрных, рассказов, которые (что очень характерно для Армении XII—XIII вв., и коренной и Киликийской) являются, в сущности говоря, новеллино — новеллами, необычайно кратко и сжато изложенными, явно в расчете на талант и искусство жонглера, который их разовьет и живо «обскажет».

В 1898 г. закончилось длившееся долгие годы печатание многолетнего труда акад. Н. Я. Марра, принесшего автору ученую степень магистра армянской словесности, «Сборники притч Вардана». Этот труд, явившийся классическим образцом филологического исследования, содержал в двух томах издание текстов, а в третьем само исследование.

В своей работе Марр далеко вышел за пределы первоначально поставленной задачи — выяснения армянского оригинала арабского сборника басен и притч, известного под названием «Лисьей книги», которой путем повторных переводов с армянского на арабский, с арабского на европейские языки суждено было сыграть немалую роль в развитии и оформлении средневековых европейских басенных сборников и басенного животного эпоса.

Сама работа натолкнула Марра на необходимость исследования и источников армянской «Лисьей книги» и всего того многообразия басенного иносказательно-назида-

тельного и просто занимательного, но почти всегда назидательного материала, который в армянском рукописном предании, да и в живой народной словесности связывался с именем Вардана, и великого труда стоило Марру привести этот материал в определенную систему и связать основную часть многочисленных сборников притч Вардана с личностью Вардана Айгекца, замечательного проповедника первой половины XIII в.

В числе других материалов привлекались Марром и сборники басен и притч, связанные с именем Мхитара Гоша. Огромный материал, использованный Марром, сложное и трудное построение громадной филологической работы, рассчитанной на строго ограниченный круг ученых-специалистов — филологов-востоковедов, сделали магистерскую диссертацию Марра почти недоступной для широкого круга читателей, и в трех томах этой диссертации во множестве потонули изумительные жемчужины народного творчества. Многие из них хорошо знакомы самым широким кругам по образцам басенного творчества народов, раньше армянского отливших эти басни в письменную форму, и по творчеству иных народов, позже армянского успевших воплотить замечательные выражения народной мудрости в литературно обработанную и записанную пером или тростником на пергамене или на бумаге литературную миниатюру.

Среди этих подлинных жемчужин есть немало и таких, которые в не меньшей мере, чем как образцы литературного творчества, необходимы в качестве исключительной ценности чисто исторических документов, тем более что многие из них способны заполнить немало остающихся темными сторон истории армянского народа, особенно его социальной истории. Хотя имена исторических лиц в этих баснях не упоминаются, многие из них подчас дают больше для правильного понимания истории средневековой Армении,

чем десятки страниц пересказывающих друг друга средневековых хронистов. Но Марр в своем труде отграничил эту сторону басен.

Одной из основных и едва ли не самой главной задачей Марра в его филологическом и историко-литературном труде было выяснение вопроса о взаимоотношениях между собою целых армянских басенных сборников и, с другой стороны, различных изводов одной и той же басни, сосуществовавших одновременно на армянской почве, но в различных, быть может, местностях или в различной среде.

Одновременно с этим, естественно, важной для труда Марра задачей являлось выяснение связей между засвидетельствованными в армянском рукописном предании баснями и теми, которые в более раннее время, чем армянская запись, были засвидетельствованы в литературах иных народов, и установление степени зависимости армянских изводов от их возможного литературного образца, с установлением и непосредственной литературной письменной связи, наиболее доступной для проверки филологическими методами, особенно когда вставал вопрос о зависимости переводчика от особенностей языка подлинника, а также и в тех случаях, когда проникновение басни в армянскую среду из среды иного народа поддается определению как заимствование устное, происшедшее в процессе живого общения народов между собою.

Аналогичного характера работа в широкой мере была проведена Марром и для выяснения путей и форм проникновения армянских изводов и возникших в армянской среде басен в среду иных народов, в частности в арабскую по языку литературную среду в облике «Лисьей книги».

Выясняя взаимосвязи басенных изводов, он постоянно подчеркивал недопустимость, ненаучность стремления устанавливать непременно генетические связи между разноязычными изводами, поскольку во многих случаях возник-

новение и сходного сюжета, а тем более мысли, поясняемой или воплощаемой в сходном сюжете, могли на протяжении многотысячелетней жизни народов возникать независимо друг от друга.

Однако же Марр дал обрисовку этой филиации связей, тех цепочек, которые дают возможность говорить и о прямой, или через промежуточное посредство, связи определенных басен Мхитара или Вардана с баснями, носящими имя Эзопа, или с баснями, отразившимися в иранской книге «Калила и Димна», или в ее более ранних индийских образцах.

В данной книжке для меня и для читателей важен только вопрос бытования данной басни в той или иной армянской народной среде определенного исторического периода, поскольку в этих баснях мы хотим найти отражение жизни страны, в которой эти басни бытовали, а если бытовали и отразились в рукописном предании, то, следовательно, и пустили корни (даже если они не выросли из местных корней), а следовательно были или стали не только отражением общественных явлений, но и фактором общественной жизни, поскольку басня всегда и везде является одним из самых острых орудий морально-общественного воздействия, а тем самым одним из самых сильных орудий классовой борьбы.

ВВЕДЕНИЕ

История армянского народа, под этим его названием, охватывает период свыше двух с половиной тысяч лет. Армянская письменность на основе сохранившегося и существующего сейчас алфавита возникла уже в начале V в. н. э.

Древнеармянская литература весьма многообразна по содержанию. Богато представлены хроники исторического содержания, сочинения летописного типа, философские трактаты (как переводные, так и оригинальные), научные (разумеется, с точки зрения средневековой науки) сочинения по различным разделам естествознания (в том числе космографического содержания), богословские трактаты и даже учебники для школ (в том числе по арифметике с задачником VII в.). Но до нас дошло чрезвычайно ограниченное количество литературных памятников древней Армении, носящих художественный и светский — по содержанию — характер. За небольшими исключениями до XII в. вообще светская литература не научного, не исторического содержания нам не известна, так как сохранившиеся поэтические произведения носят скорее характер духовных виршей (в ряде случаев, как, например, в творениях Григория Нарекского X в., высоко художественного, но мистико-религиозного характера). Но зато в целом ряде исторических сочинений и иных литературных трудов периода, предшество-

вавшего VII в., вкраплено много отрывков, явно проникших в эти сочинения из обихода среды, по своим устремлениям и миросозерцанию далекой от церковных кругов и даже враждебной им.

В XII—XIII вв. появляется ряд поэтов, пишущих не только на мистико-религиозные темы, врывается отчетливо ощущаемая, живая, идущая из светского обихода струя, которая, однако, приглушается некоторой маскировкой, предназначенной несомненно для удовлетворения цензурных требований господствующей письменности церковной среды. Эти цензурные стеснения распространялись не только на письменные документы литературного характера, но и на передававшиеся устно рассказы и песни. В частности, известно, что на рубеже XII—XIII вв. подвергались преследованию светские «нечестивые» песни, певшиеся в армянских войсках, — песни, которые рекомендовалось заменять в обиходе армии славословием в честь богородицы и святых на мелодии светских песен.

Кроме чисто литературных памятников, могущих служить для написания истории Армении и представляющих громадную ценность по богатству материала и по яркости подробного отражения фактической стороны событий, войн, походов, набегов и нашествий на армянскую страну, на древнеармянском языке от средних веков, начиная от VII в., дошло много памятников архивного характера в виде надписей на стенах зданий и на отдельных каменных плитах, которые, к счастью, сохранили для науки указы царей и правителей, светских и духовных, дарственные акты, купчие крепости, договоры и пр., которые в экземплярах, написанных на пергамене или бумаге, не уцелели в ходе истории, наполненной бурными потрясениями, войнами и разорявшими страну иноземными нашествиями.

На помощь историку Армении, наряду с этими надписями, приходят вещественные документы, богатейшие памят-

ники архитектуры и иных видов искусства, а также бытовые предметы, находимые в раскопках и сохранившиеся в очень многих местах, иногда далеко от пределов Армении, в местах расселения армян, условиями жизни страны вынужденных уже в средние века покидать родную землю.

Социальную сторону истории Армении только по литературным памятникам выяснить чрезвычайно трудно, учитывая, что древнеармянская литература в подавляющей части развивалась в среде господствующего класса, что литературный труд был уделом людей, за редчайшими исключениями, носивших рясу и клобук и соответственно отражавших миросозерцание и точку зрения феодальной среды и ее наиболее яркого проявления, особенно в вопросах идеологии, — армянской церкви.

Во всей богатейшей древнеармянской исторической литературе удается собрать лишь крохи для обрисовки положения народных низов и почти не удается выяснить картину их отношения к господам положения — феодалам, как носившим боевой доспех, так и облаченным в рясы.

Выяснению этих важных вопросов помогают разнообразные вещественные памятники и те картины обстановки городской жизни, которые были вскрыты раскопками города Ани, некогда крепости, в IX в. резиденции армянских царей, в X и половине XI в. столицы армянского царства Багратуни, а затем, после падения этого царства, большого ремесленного и торгового города, армянского, но с разноплеменным населением, состоявшего под протекторатом грузинских царей и иранских династов Шеддадидов. Эти раскопки, обнаружившие материалы от IX до XIV в., когда город Ани пришел в разрушение, дали Марру основание к справедливому утверждению, что в жизни этого города отнюдь не всегда являлись решающими, как то говорилось прежде, национальные и вероисповедные признаки как определители путей развития культуры и что

в Ани с особой яркостью проявилась сила воздействия иных могучих определителей, влиявших на развитие национальной армянской культуры, определителей социальных, стиравших, а еще чаще в обстановке средневекового города сглаживавших национальные и вероисповедные преграды.

На основании исследования армянской архитектуры и скульптуры (главным образом декоративной) Марром был поставлен вопрос о соответствии между идеологией господствовавших классов Грузии и Армении в плоскости не церковной, выразившейся в Грузии в светской поэзии и, в частности, в гениальной поэме Руставели, а в Армении — в светской архитектуре и ее убранстве. Дальнейшие работы позволили распространить это сопоставление и на третье из наиболее крупных национальных объединений Закавказья — Азербайджан, носивший в то время иное название, но принадлежавший тому же народу, потомки которого носят имя азербайджанцев; таким образом, параллель, условно называемая Ани—Руставели, расширилась до параллелей Ани—Руставели—Низами.

Именно на рубеже XII—XIII вв. с особой силой и яркостью выявляется особый жанр в литературе: с одной стороны, басни; с другой, — краткие новеллы, занимательные рассказы, наряду с баснями дающие сравнительно богатый материал для выяснения социальных отношений для обрисовки пробуждения и напряжения самосознания низов, особенно же городских ремесленных кругов. Речь идет не о тех единичных баснях, которые дошли до нас и от более раннего периода, и не о маленьком сборнике в два десятка басен, который известен под мало выясненным наименованием Оломпиановых и обычно датируется XI в., а о двух замечательных и обширных басенных сборниках, из которых первый связан с именем Мхитара Гоша, а другой — Вардана Айгекца.

Басня, подлинный плод массового народного творчества, — более острое, выразительное и обоснованное выражение протеста, чем те глухие намеки, которые лишь изредка ремесленник мог позволить себе внести в орнамент расписанного им изразца или выкованного его подручным медного кувшина.

Басни создавались всеми народами. Басни создавались и, живя века, передавались всеми народами. Передавались они от одного народа к другому, проходя в последовательных переводах тысячи и тысячи верст, от далеких берегов Инда и Ганга до площади перед великолепным, возвышающимся над Сеной собором Парижской богоматери, передавались в виде отдельных рассказов и в виде целых сборников, объединенных в соответствии с мировоззрением лучших умов своего времени.

Такие сборники сложились и в Армении под пером умершего в 1213 г. Мхитара Гоша и в середине XIII в. под пером и в горячей речи блестящего проповедника и борца за правду Вардана Айгекца.

Многие из этих басен вошли в переводах в обиход Грузии, влившись в грузинский фольклор. Многие вошли в арабском переводе в обиход арабов, открыв тем самым себе путь и на далекий Запад.

Уже в XI в. пером выдающегося историка Аристакеса Ластивертца (Ластивертского), иерарха и преданного сына армянской церкви, запечатлены были горькие мысли и об упадке нравственного уровня духовенства, и о не в меру разросшемся нечестии (читай: освобождении из-под церковного гнета) и о разврате (читай: повидимому, выходе из-под опеки духовенства) его современников в Армении.

Тяжелые времена уже за столетие до Аристакеса наступили в Армении для господствовавшей церкви. Умножились и неимоверно возросли по количеству приверженцев секты, в том числе и такие, которые донесли до X в., про-

несли через кровавый для них XI в. свои еретические учения, несмотря на клеймение их приверженцев каленым железом, несмотря на разрушение и сожжение по велениям Григория Магистра многих сотен сел, изгнание тысяч и тысяч людей и нестерпимые пытки. Несмотря на все это, эти еретики пронесли через XI в. и, уйдя в сокровенные народные массы, разнесли свою армянскую ересь (как она называется в русских летописях) — павликианство — и на север от Кавказского хребта, и на запад — на Балканы, и далее в центральную Европу.

Многие из этих ересей сохранили среди всех этих испытаний элементы языческих верований, т. е. элементы тех философских учений, которые попеременно изничтожались и византийской православной церковью, и церковью армянской, и престолом сасанидского «царя царей», поскольку в основе этих учений лежали чаяния о достижении равенства и равноправия людей, общности имущества, общности и общедоступности жизненных благ.

Учение Маздака, обманутого вместе со своими последователями лживой и коварной политикой сасанидского царя Кавада и его преемника Хосрова Ануширвана, и ересь сирийского христианина Барсомы, впервые добившегося некоторых прав хотя бы для двух старших ремесленных цехов, несмотря на истребление последователей этих учений уже на грани VI в., продолжали жить в Армении, как и в других смежных странах.

Знаменательно, что в XI в. последователями одной из этих сект явились, как сообщает Аристакес Ластивертский, армянский князь и его сестры, поделившие свои земельные владения с крестьянами в те дни и в тех местах, где неожиданному ночному поруганию подверглись священные изображения креста.

Трудно было бы доказать, что все испытанные этим князем преследования и мытарства были вызваны именно

надругательством над крестом, низвержением крестных камней, в подстрекательстве к чему он не был уличен, а не раздачей им и его сестрами своего имущества крестьянам.

В числе других «великих грехов» многим из этих сектантов ставилось в вину последование языческим верованиям — поклонение солнцу, и жила тревога о том, не осталась ли в окружающей армянской среде, несмотря на всю строгость розыска и всю суровость кар, на весь жар от пламени пожаров, истреблявших поселения нечестивых еретиков, несмотря на все меры, принятые сынами правоверной церкви и облаченными в рясу и носящими воинский доспех и княжескую повязку на рукаве, с епископским ли перстнем на пальце или с княжеским перстнем и печатью, — не осталось ли еще нечестивых солнцепоклонников.

Вот почему звучит как уличающее свидетельство, но уличающее не еретика, а скорее инквизитора, замечательная басня Мхитара о солнечном цветке, сжатая, немногословная, изумительная по своей четкости и по своей внутренней правдивости (28).

Секты преследовались, их приверженцы истреблялись, но нечестие, безверие, греховность, непочтение к служителям божиим нарастали.

Не случайно в тексте более позднего армянского писателя (XVII в.) католикоса Авраама Кретаци (Критянина) передается рассказ о том, как жители города Ани в своем нечестии дошли до непристойных выходок, до шуток над прославленными проповедниками слова божия: если проповедник был высок ростом — ставили ему низенький налой, чтобы было над чем народу посмеяться, видя, как должен согнуться проповедник, читая низко положенную святую книгу, а если был он мал ростом — ставили налой высокий, чтобы проповедник при чтении святой книги тянулся изо всех сил.

Нараставшее самосознание низов, обманутых в течение ряда веков надеждой на грядущее воздаяние, вызывало необходимость рекомендовать проповедникам, чтобы они — кстати и некстати (в случае с басней «Отшельник и конь» (110) совсем некстати) — повторяли пастве: потерпите немного, и мы вам дадим божий закон.

Ко времени Мхитара и Вардана уже до того назрели в народных массах чувства сомнения и недоверия к служителям церкви, что в назидании к басне о верблюжонке и ослике (88) тунеядцам, уподобляющимся свинкам, жиреющим от чужих трудов, да еще потешающимся над теми, кто трудится, содержится угроза не только проблематичными страданиями для души и тела в загробной жизни, но и «телесными судьями» здесь, на земле, хотя никакой средневековый кодекс и, в частности, Судебник Мхитара Гоша не грозит законною карою тем, кто жиреет от чужих трудов и издевается над трудящимися.

Не об изнеженности высших представителей духовенства, не об их склонности к ублажению плоти и сердца, которые бичевал Аристакес Ластивертский, приходилось теперь с осуждением говорить тем, кто стремился водворить «на земле мир и в человецех благоволение», и сам Мхитар уже не мог скрывать разложения, продажности духовенства, прямого взяточничества, очевидно распространившегося и среди низового духовенства, так как появление басни не может предшествовать распространению осуждаемых ею явлений, как никакой закон не предусматривает никем и никогда не совершенных преступлений.

Вот почему такую высокую ценность приобретает в наших глазах басня Мхитара о том, как ястреб и кряква пришли на пасху причащаться, и вот почему таким мнимым эпическим спокойствием и насыщенностью верой в поучение веет от назидания Мхитара Гоша касательно попа (114), быстро и толково разобравшегося в неумении птицы

исповедаться, которая вздумала каяться, что ела нечистых лягушек и мышей, а, как выяснил поп, вкушала чистых птенцов, почему-то утративших крылья.

С много большею яркостью, и уже впутывая в рассказ святая святых, говорит басня Вардана о попе-воре, запрятавшем корову в алтарь (27). Кто знает — таким ли назиданием, как сохранившееся, сопровождал Вардан свою басню, и уже никто никогда не выяснит, когда несоответственное по своему благодушию назидание церковника попыталось смягчить остроту вардановского рассказа.

Еще ярче эта настороженность народных масс в отношении духовенства, учет этими массами лицемерия и лживости церковных поучений сказались в басне о забредшем в дождь и непогоду в церковь безвестном нищем, обманувшемся в вызванных проповедью надеждах и выместившем свою злобу на священной книге, подвергнувшейся, в правильном представлении народа, меньшему поруганию от голодного продрогшего бедняка, чем от лукавого проповедника. И таким беспомощным привеском звучит несомненно добавленная последняя фраза: «и пристыжен был поп».

«Бедняк пришел в одну деревню и вошел в церковь, а церковь была в разрушении. Пошел дождь, она наполнилась водою, и бедняк промок и, будучи одет в лохмотья, дрожал и изнемог, ибо был очень голоден. Пришел поп, начал службу, взял евангелие, нашел и прочел эти слова: „Я был чужестранцем — и вы приютили меня, был наг — и вы одели меня, был голоден — и вы накормили меня". Услыхал бедняк, обрадовался и говорит: „Я чужестранец — приютят меня, я голоден — накормят меня, я наг — оденут меня". А священник кончил службу и ушел, оставив бедняка там, и не взял его к себе. Знал поп и не сделал. И говорит бедняк в мыслях: „В то писание, которое он читал, он не уверовал, а счел его лживым". И, взяв еванге-

лие, понес к луже, бросил в воду и положил сверху камень. Пришел поп и не нашел евангелия. Говорит бедняк: „На что тебе евангелие? В нем — ложь, вот я и понес, бросил его в лужу!“. Рассердился поп и начал бить бедняка. И говорит он попу: „Не бей меня! Если ты веруешь, что евангелие — слово христово, почему же ты не выполнил того, что читал? Я чужестранец, и ты меня не приютил, наг, и ты меня не одел, голоден, и ты меня не накормил!“.

И пристыжен был поп.

Показывает эта басня, что не дóлжно считать евангелие христово ложным, но надлежит верить и исполнять, что оно велит» *(Вардан 235)*.

С этой басней Вардана созвучна маленькая курдская новелла про муллу Базида, который в пятницу в мечети, не подозревая, что в толпе стоит и его жена, в горячей проповеди призывал отдавать нищему и вторую смену платья, и второй кусок хлеба; вернувшись же домой, очень сердился, узнав, что опередившая его при возвращении жена не может ему дать чистой рубахи, так как, следуя его призыву, отдала ее нищему, и не может подать ему обеда, так как успела накормить нищего тем, что было приготовлено для муллы. И в гневе воскликнул мулла: «Так я ведь проповедь говорил не для себя, а для других, чтобы другие давали мне, а не ты отдавала другим мое!».

Еще бóльшим ядом сомнений в правдивости церкви, чем басня о бедняке, еще бóльшим дерзновением против священного места, чем рассказ о краденой корове, припрятанной попом в алтаре, проникнута басня о церкви и мельнице (6), в которой при чтении подлинника выступает на первый план не только выраженная в басне про вола и коня (2) идея о неравном распределении трудов и радостей жизни, но и иная мысль, в применении к церкви, учитывая время и место, звучавшая кощунственно: насытившись

от трудов мельницы, все те, кто не разделяли ее трудов, все те, кто тем самым уподобились еще не понесшим наказания свинкам, в церковь пришли воздавать благодарность и славу не мельнице, а богу. Подчеркнутый мною в переводе («бога благодарят») не совсем обычный порядок русских слов передает оттенок мысли, еще более отчетливо выраженный в подлиннике логическим ударением на слове «бога» (читай: который не трудился).

Этот оттенок мысли в подлиннике выражен совершенно ясно; однако, учитывая время и место (Армения, XIII в.), было бы рискованно так выпячивать именно этот оттенок, если бы до нас не дошло выловленное Марром в тексте проповедей Вардана Айгекца иносказание, облеченное в весьма благонамеренную и благонравную, с точки зрения духовной цензуры, форму. Вардан в заключение проповеди, отвергая выраженную ему слушателями благодарность за поучение, наставляет обратить эту благодарность к умудрившему проповедника господу-богу. Но почему? Потому что «Видим мы богачей, как они руками работников возделывают виноградники и сады, окружают их колючками и ухаживают за ними. Когда же вкушают виноградные грозди и плоды, то не вспоминают ни о работниках, ни о колючках, а хозяина дома благодарят и желают ему долгой и мирной жизни. Так же и великие, блистающие славой князья ловят дичь и птиц при посредстве псов и хищных птиц. Вкушая же жирное и вкусное мясо, не вспоминают ни про псов, ни про ловчих птиц, а князя благодарят и молятся богу, чтоб он долгие годы княжил».

Едва ли в восприятии Вардана или слушавших его и разделявших его мысли масс унизительно было сопоставление на равных правах, как не заслуживших благодарности, работников сада и виноградника с ловчими птицами и гончими псами, вероятно, пользовавшимися в замке феодала большей заботой и уходом, чем эти земледельцы. Само

признание в тексте проповеди естественности, понятности и оправданности такого распределения обязанностей в труде и права на благодарность между членами общества кажется проникнутым удачно замаскированной иронией, которая, при всем моем стремлении передать точно текст, в подлиннике ощущается отчетливее, чем в переводе.

Если бы в тех же вардановских сборниках не было басенки о трудившихся верблюжонке и ослике и о наедавшихся свинках, если бы так трогательно из страха перед «телесными судьями» не подняли свои копытца верблюжонок и ослик, прося проверить, не пристало ли к ним хотя бы одно только зернышко из подвозившегося ими для свинок хлеба, если бы, наконец, в назидании к этой басне не звучало, помимо расплывчатой ссылки на страшный суд, и звучащее угрозой упоминание о «телесных судьях», — мы бы не имели права по не выраженному прямыми словами оттенку синтаксиса речи настаивать на ироническом характере приведенного отрывка из проповеди Вардана.

Но кто же эти «телесные судьи», о которых мы уже упоминали? Судебником Мхитара Гоша они не предусмотрены. Среди многочисленных статей этого замечательного кодекса нет такой, которая бы предусматривала наказуемость пользования чужим трудом и пренебрежительного отношения к тем, кто трудится. В тот век, когда и животные представали перед судом за совершенные ими незаконные деяния, не мог быть, по Судебнику Гоша, приведен на суд княжеский конь, беседовавший с волом. Тут вспоминается иная категория «телесных судей» — та, которая могла и не уметь прочесть, что записано в Судебнике и что не записано, в тех ли статьях, которые были унаследованы от «благочестивых царей» Константина и Феодосия, в тех ли статьях, которые донесены были через многие века до времени Мхитара из Пятикнижия Моисея, в тех ли статьях, которые уловил в обычаях родной страны, родного народа

мудрый составитель Судебника, щедро внесший обычное право армян в свой официальный Судебник.

Эти «телесные судьи», которыми прямо грозит назидание к басне о трудящихся и тунеядцах, могли руководствоваться не статьями Судебника и не правом обычным, а правом, естественно свойственным человеку, — правом, завоевывавшимся в процессе роста самосознания низов, — правом, обоснованным, как мотивировкой статьи закона, и басней о воле и коне, и басней о мельнице и церкви, и басней о медведе и муравье (29) и многими другими, вошедшими в сборники Вардана и даже Мхитара Гоша, и сотнями тех, которые, живя в народной среде, в писанных сборниках до нас не дошли.

Не одного ли из этих «телесных судей», но разочаровавшегося в своих возможностях, имеет в виду басня Мхитара о буйволе (128), который хотел забодать своего хозяина, но не сумел, потому что предусмотрительный господь так расположил ему рога, чтобы забодать он не мог, как бы ему ни хотелось.

Недаром и в этой басне Мхитар Гош, пытающийся самой ссылкой на предусмотрительность господа-бога умерить пыл рассвирепевшего буйвола, и здесь, как почти всегда, хозяина называет примиряющим, но и затемняющим истину словом «*дарманич*» — «питатель», «тот, кто дает корм», «кормилец», — как будто Гош не знал, что не хозяин был кормильцем буйвола, а буйвол был кормильцем хозяина. Ведь не после же смерти Мхитара Гоша в 1213 г. выяснилось для Вардана, что вол питает князя и его коня, а не князь со своим конем питают вола.

Тема о воле, обреченном на труды и желающем сбросить ярмо, — о коне, предназначенном служить хозяину, т. е. о крестьянине, обреченном работать на князя, не раз привлекала внимание Гоша, а следовательно уж очень назрела в его дни (22).

Во второй части этих басен выступает еще довод для умерения пыла и утихомирения строптивого коня: хозяин не только для него кормилец, хозяин для него — защитник, и не ради только корма и пропитания должен смириться конь — смирение ему на пользу: ведь хозяин оберегает его и охраняет и от медведя, и от льва, и от волка, — ведь феодал в минуту опасности разрешает своим вассалам и крестьянам спасаться от нашедших на страну врагов в стенах своего крепкого замка, — правда только во внешних стенах, но все-таки в стенах. Как же коню не испытывать смирения перед хозяином, как же малому не испытывать смирения перед великим, слабому перед сильным?

Но из этих-то волов, стремящихся сбросить с себя ярмо, из этих-то коней, скинувших со своей спины всадника, из этих-то буйволов, пытающихся забодать своего кормильца, могли выйти и выходили «телесные судьи», карающие смертью тунеядцев.

К их выходу на арену «кормилец» и «защитник» должен был быть готов, и он готовился к этому. Тому свидетели те крепкие железные решетки, которые вставлены были в окна княжеского дворца в замечательном армянском замке Анберд, — окна, обращенные внутрь крепости, в огражденное могучей крепостной стеной пространство, где жили подданные феодала, куда спасались от медведей, волков и львов и проявивший строптивость конь и силившийся скинуть ярмо вол.

Но баснями Мхитара предусмотрено, что никакие железные решетки в окнах и никакие тяжелые и толстые, высеченные из цельной базальтовой плиты, с трудом поворачивающиеся на своих базальтовых же пятниках двери анбердского дворца не в состоянии защитить «кормильца», «защитника» от его собственного буйвола, если последний приноровится боднуть своими могучими рогами, какое бы безопасное расположение предусмотрительно ни придал им

господь-бог. В сборнике Мхитара Гоша появляется изящная, в повествовательной части такая невинная басня об одной из самых изящных птичек, одной из самых доверчивых и домовитых пташек — о ласточке (111).

Слышавший басню Мхитара, прочитавший ее в рукописном сборнике мог бы и не догадаться, почему пример ласточки назидателен для князя, о каком кошачьем волоске идет речь, тем более, что едва ли феодалу, сидевшему в замке, пришел бы в голову иной повод для сравнения себя с ласточкой, кроме того, что как гнездо ласточки прилепилось к стропилам кровли на самом верху, так и его замок прилепился к верхушке неприступной горы. Но назидание поясняет:

«Басня нас мудростью этой птицы поучает: когда, засев в крепости, мы бережемся от сторонних врагов и испытываем стеснение от врагов домашних, — среди таких же домашних находить себе против них помощь».

Конечно, эта помощь домашних была особенно нужна для ограждения «кормильца» от «телесных судей». Эта помощь могла иногда приносить, по мысли Мхитара, большую пользу и без применения крутых мер, лишь внося успокоение и столь близкое сердцу Мхитара умиротворение и даже вселяя в сердце недовольных своим «кормильцем» волов и коней веселие и радость. Об этом говорит басня (72).

Мхитар Гош отдавал себе, конечно, отчет в том, что никакие убеждения, никакое красноречие мудрой коровы (72) в некоторых случаях не помогут, если и сами «кормильцы» не умерят своих притязаний на полное присвоение себе всех благ и достатка этих и без того обездоленных людей. И, верный своему духу примирения, последовательный в своем стремлении сглаживать противоречия между великими и малыми (а если нельзя их сгладить, то хоть затушевать), он вводит в свой сборник две схожие и по по-

строению, и по теме басни, направленные к тому, чтобы образумить и умерить феодалов, — басни про перепелку и ястреба (13), про самую беспомощную и самую яростную из птиц, и про голубя, самую кроткую из птиц (14).

Эти увещания Мхитара, направленные к князьям, очевидно, не всегда оказывались достаточно действенными, и в сборнике Мхитара появляется басня о курице (4), уж на что, казалось бы, одомашненной и глупой, и тем не менее способной предостеречь устами Мхитара от злонравия господ.

В одной из своих басен, в целом не представляющей интереса для нас, Мхитар высказывает общее суждение о том, что наставник и воспитатель должны воздействовать на своих питомцев не только лаской и убеждением, но и более суровыми мерами — строгостью и устрашением. Как проявление этого более строгого воспитательного приема мы воспринимаем замечательную басню о медведе и муравье (29).

Изложена она настолько остро, в смысле напряжения, и настолько откровенно, что не будь она рассказана безупречным литературным языком (кроме только одного оборота) Мхитара Гоша, не сохранись она только в сборнике Мхитара и не минуй она сборников Вардана, ее по четкости мысли, по силе угрозы можно было бы принять за басню именно вардановского типа. Бесспорно, принадлежа к числу почерпнутых Мхитаром из народной сокровищницы, эта басня приподнимает завесу, скрывающую тех, кто имелся в виду под «телесными судьями».

С другой стороны, для времени Мхитара, для рубежа XII и XIII вв., для обстановки растущей и развивающейся городской жизни с ее ремесленной средой, несомненно наиболее передовой в смысле осознания своих прав (хотя бы элементарных человеческих), с ее цехами, сплачивавшими разрозненные силы отдельных ремесленников, передовых

носителей самосознания низов, характерна массовость действия. В этой басне вместо назойливого комара, действующего только своими силами, неустанностью и назойливостью способного довести до отчаяния самого царя зверей, выступает сплоченная и дружная мелкота, как народная толпа порознь слабых, но сильных своим единением малых людей, возмутившихся против великого, феодала, и казнивших его, несмотря на всю его силу и могущество.

Мы знаем, что в ту эпоху не одним только Мхитаром была замечена склонность малых к объединению своих сил, не одного только Мхитара озабочивали возможные последствия их сплочения. В отдаленной от Армении стране, не ученый монах-баснописец, кодификатор законов, а государь, хорасанский султан Санджар, в те же примерно годы высказал суждение о том, что сплочение сил малых грозит великим, ибо малые смогут делать то, что делают великие, а великие не смогут делать того, что делают малые.

Будет ли исторической натяжкой, если мы усмотрим какую-то перекличку мыслей и ощущений между тем, что говорил султан Санджар, и тем, как один из ширванских царевичей, Рузбэ, сын Афридуна, сына Бурзина, в 1206 г. сам занялся лепкой из воска модели и отливкой из бронзы замечательного по совершенству работы водолея в виде коровы-зебу и запечатлел свой труд надписью на водолее? Ведь и владетель богатейших поместий в различных концах Армении, парон (т. е. пробившийся в высшую знать благодаря своим богатствам) Саһмадин, купив себе целый городок, некогда владение и летнюю резиденцию армянских царей, построил себе громадный дворец в 1276 г., начертав на портале надпись, в которой он, не без гордости и похвальбы, заявляет, что он этот дворец «разбил (т.е. начертил) и соорудил сам, без мастера (или архитектора)».

Не был ли и труд, принятый на себя ширванским царевичем, потребовавший, вне всякого сомнения, длитель-

ного учения и опыта, и труд, принятый на себя хотя бы в целях похвальбы пароном Саhмадином, не пожалевшим на постройку дворца сорока тысяч золотых дукатов, попыткой показать, что они-то умеют делать то, что делают малые, что они-то не чуждаются труда как чего-то их недостойного, что они-то не могут быть уподоблены свинкам, пожирающим привезенное для них верблюжонком и осликом зерно, телкам, насмехающимся над волами, или волу, пытавшемуся скинуть с выи ярмо, волу, якобы забывшему, что «без дела невозможно жить в обществе».

Марр отмечал то обстоятельство, что наибольшее развитие басенного творчества, во всяком случае басенного собирательства, в Армении падает на XII—XIII вв., подчеркивая при этом, что совершенно аналогичное положение наблюдается в тот же период и в Западной Европе.

Это обстоятельство стоит в теснейшей связи с тем, что именно на XII—XIII вв. падает наибольший и наиболее яркий (в домонгольский период) расцвет городской жизни, городской торговли, ремесел для Ани и ряда других городов и наибольшее развитие торговли внешней, транзитной.

Город стал в XII в. не только соперником замка, феодального гнезда, в вопросах влияния на ход развития экономической жизни страны, но и начал становиться соперником других феодальных гнезд — монастырей, в вопросах влияния и воздействия на ход развития общественной идеологии.

Не замкнутые аудитории монастырских школ и семинарий, а обширные пространства соборных церквей и площади перед ними стали местом, где провозглашались с амвона или ступеней импоста обращенные к толпе призывы и разыгрывались бурные споры, остроты которым прибавляло в значительной мере и нередкое в то время переплетение вероисповедных признаков с классовыми.

В XII в. завоевали себе прочное и почетное место в армянской архитектуре, а главное, приняли на себя почетную и ответственную функцию идущие из древности, но в этот период переродившиеся по назначению притворы армянских церквей, в ряде случаев начавшие перерастать по своим размерам самые храмы. Эти притворы, как, например, притвор соборного храма Апостолов в Ани, как даже притворы храмов монастырских, перетянули на себя значение стен храма как места, где высекались особо важные для сведения жителей постановления и распоряжения власти.

Город Ани, переставший уже век с лишним назад быть столицей, стал городом — резиденцией правителя, своего или иноземного, но правителя, при наличии которого в городе действовал и управлял Совет старейшин. Мы не имеем сейчас сведений о том, что такие же Советы старейшин управляли другими городами Армении, но ведь всего 45 лет тому назад, до работ Марра, никто и не подозревал, какое значение имели в Ани эти начальные формы городского самоуправления.

Количество ремесленников, работавших в городе, — в кольце ли городских стен, на примыкавших ли к храмам или мечетям площадях, в западинах ли городских стен, уже утративших непосредственно боевое значение и оставшихся от более древнего этапа жизни города, тогда более тесного, или иногда и за кольцом городских стен Ани в районах пещерного города, — количество городских ремесленников неуклонно возрастало.

Возрастало оно и за счет тех сил, которые, обучившись ремеслу и располагая личной свободой передвижения, искали себе заработка в более бойком месте; и за счет тех ремесленников и мастеров, иногда наиболее искусных, которых феодалу теперь не было расчета держать в своем замке за трудностью обеспечения их достаточным количе-

ством работы и ввиду возможности, открывшейся перед сидящим в замке, еще не переехавшим в пригородное поместье феодалом, дешевле и проще купить на городском рынке или у купцов проходящего мимо каравана необходимую утварь, ткани и другой товар или еще дешевле приобрести путем взимания налога за проведение каравана по своей территории, или, наконец, путем «облегчения веса товаров» каравана независимо от воли караванщиков.

Число ремесленников росло в городе и потому еще, что многие из них могли обслуживать нужды и потребности проходящих караванов и заезжих купцов и потому облепляли своими крохотными лавчонками большие и нарядные здания гостиниц и заезжих дворов.

Городское ремесло, завоевывая себе все больший круг потребителей, рассчитывая свой товар не только на сбыт в городе и в ближайшей округе, но и на вывоз в более отдаленные места, а иногда и в далекие страны, умело изыскать и новые технические приемы более массового производства, вводя технические улучшения, дробя сложные орнаментальные штампы на составляющие тот же рисунок элементы, из которых при желании можно составить и иной рисунок и узор, и заменяя технику, требующую, например в металлическом производстве, большой, иногда чрезмерной затраты металла, иною техникой (как ковка из листа меди вместо литья из бронзы), что и удешевляло готовые изделия и облегчало и удешевляло их перевозку.

Благодаря одному драгоценнейшему памятнику, уже упоминавшемуся водолею Эрмитажа в форме коровы-зебу, мы можем точно указать не только год, но и месяц изготовления предмета, который стоит на грани перехода от индивидуального выполнения к производству, рассчитанному на многочисленные повторения: в этом предмете основная часть выполнена в приемах старого индивидуального производства, а служебная деталь — ручка — изготов-

лена с использованием модели, рассчитанной на повторное производство подобного рода ручек, но уже не для данной коровы или ей подобных фигур, а любого иного кувшина, нуждающегося в массивной по форме ручке. Есть случаи в истории техники, когда даже единичный документ может иметь и имеет решающее, общее значение, и дата изготовления этого водолея — август 1206 г. — именно такой решающий момент. Это дата, когда индивидуальное производство, так сказать, замковое производство, еще сохраняло свою силу и не утратило своих высоких качеств, но когда оно уже столкнулось с более выгодным, быстрым и широко доступным, новым техническим приемом, рассчитанным на производство значительного числа однородных если не по форме, то по назначению и общим очертаниям предметов.

Введение новых технических приемов, стремление ускорить и удешевить производство на рынок усиливало необходимость введения большей дифференциации труда, распределения трудовых процессов между многими участниками работы, т. е. в условиях феодального ремесленного города, между подмастерьями и учениками, каждый из которых, выполняя определенную часть работы и овладевая своим участком мастерства, мог присматриваться к тому, как достигается завершение целого предмета.

Поиски новых технических приемов, обеспечивающих ускорение, удешевление и расширение производства, являвшихся необходимым условием борьбы если не за существование, то за приобретение хотя бы самого малого достатка, давались не легко, и уже одно это, в обстановке бытования ремесла в одном роду, в одной семье, обусловливало развитие и укоренение принципов ремесленной тайны, производственного секрета, или, что то же в тех условиях, — семейной тайны и во всяком случае тайны цеховой. Это, а также опасение возникновения конкуренции, стремление

оградить свое ремесло от проникновения чужих, сторонних людей и, едва ли всегда сладкие, воспоминания о трудностях периода ученичества приводили к выработке цеховых ограничений, цеховой изолированности, а в условиях развивающейся дифференциации труда и при недоученности человека, прошедшего обучение в сложных трудовых процессах, приводили к дроблению цехов и к возникновению новых, с более ограниченным кругом специальности и прав производства.

Практические удобства охранения ремесленных секретов, облегчение отыскания потребителем нужной мастерской, зачастую одновременно и лавки, и тем самым облегчение общения с заезжими потребителями или перепродавцами, вывозящими товары, определяли целесообразность и расселения цехов (или, во всяком случае, размещения мастерских) по ремеслам, почему, например, в Ани улицы или кварталы и концы носили наименование по отправляемому ремеслу. В виде исключения только около двух смежных гостиниц раскопки обнаружили рядом друг с другом разнородные по производству мастерские, например мелких медных изделий и обувную, так как, очевидно, эти и другие им подобные крохотные мастерские были призваны обслуживать непосредственно потребности останавливавшихся в гостиницах караванщиков и купцов и потому должны были быть под рукой независимо от своей специальности.

Но напряженные поиски новых технических приемов (они не могли не быть напряженными на стадии нарастания ремесленно-рыночного производства) неминуемо были связаны с работой интеллектуальной. Оторванность от земли, дающей хоть и малый и скудный, но все же заранее примерно определенный кусок хлеба, сравнительно широко распространенная грамотность (о которой можно судить по весьма многочисленным выцарапанным на штукатурке бытовым надписям, в том числе и назидательным для де-

тей, на стенах бедных домов в скученных кварталах Ани и в пещерных домах), активное участие в жизни города, в жизни его улиц и крохотных, но все же площадей, — все это не могло не усиливать значения многочисленного ремесленного сословия, как ведущего в борьбе народных низов и против князей, и против вновь пробившихся в знать богачей, паронов (пробились ли они благодаря богатствам, нажитым торговлей, или нажитым путем ростовщичества), и против еще не вышедших в знать и не претендующих на княжескую нарукавную повязку, но уже набивших мошну богатеев. Ведущим ремесленное сословие было и в борьбе против верной спутницы знати и богачей — церкви, в лице ее многообразных служителей — и тех, кто сменил княжеский доспех на рясу и меч на священный символ, и тех, кто, пройдя монастырскую школу, вполне уверовал в то, что люди, ездившие, при жизни на земле, верхом и на колесницах, источавшие слезы у народа и причинявшие страдания миру, единожды претерпев мучения, став святыми, на том свете становились любезны богу, а затем сначала брали взятки, а потом уже помогали человеку в нужде — на что сетовала лиса, говоря о святом Георге (135).

Целый ряд ремесел определял необходимость овладения ремесленниками не только грамотой в смысле письменности, в смысле умения читать и писать, но и литературными образцами для украшения изделий, рассчитанных если не на местного массового потребителя, то на местную знать, на местных, пробивающихся в знать богачей и на вывоз, а в соответствии с этим украшаемых начертаниями классических стихов на языке, завоевавшем в среде знати себе почетное место в мирской жизни независимо от вероисповедания и национальности, — на персидском языке. Отсюда был только один шаг — в одну сторону, при овладении иноязычной письменностью без знания языка, к начертанию буквообразных узоров или бессмысленно повто-

ренных несколько раз обрывков одного и того же слова, или, в другую сторону, к начертанию не списанных с рукописи, а на слух знакомых классических стихов, и, наконец, стихов, сочиненных самим мастером.

Учитывая размещение мелких мастерских и лавочек наполовину на улице, имея в виду бывшую там возможность перекидываться живым и бойким словом не только между собою, но и с работающим через узенькую улицу другим ремесленником или с прохожим, приостановившимся присмотреть и выбрать себе нужный ему товар, — учитывая всю совокупность условий жизни такого города, легко представить себе, что эта наполовину уличная жизнь (не только в час досуга, но и во время работы), жизнь ремесленников, должна была сделать эту среду и наиболее восприимчивой к уловлению и нового острого слова, и новой басенки, да еще не снабженной длинным назиданием. Эта среда была одинаково готова и к уловлению нового занимательного рассказа о проделках чьей-то хитрой жены, безымянная слава которой может облететь весь мир, и к сложению своих, еще более новых рассказов и басенок о том, что сейчас волнует, гнетет, тяготит придавленный нуждой народ или способно его утешить, подбодрить и прибавить ему силы, чтобы, объединившись с другими такими же бедняками, обиженными, обираемыми, не пользующимися безопасностью даже в своем доме, — как муравей от повадившегося лакомиться его личинками медведя (29) — выступить в качестве «телесных судей» и казнить насильников.[1]

Эта городская ремесленная среда, отнюдь не однородная, имевшая тоже свою иерархию, от забитого цеха ткачей,

[1] Ведь еще на нашей памяти, в старом Тифлисе, эта среда городских ремесленников и мелких торговцев в разнос, фруктовщиков, славилась как своего рода корпорация носителей и создателей остроумных и едких шуточек про власть и про не в меру жиреющую буржуазию.

от «вонючих» дубильщиков и до работающих на князя, епископа и парона золотых дел мастеров, в массе своей особенно отчетливо сознавала свою зависимость, несмотря на личную свободу, от князей и богачей — от тех, «кто сосет мозг народа».

И городские ремесленники, видевшие в подлинном свете, на чьей стороне и власть, и богатство, и помощь божья, и знавшие, с кем народу надо бороться, чтобы сбросить или хотя бы облегчить неизбывный дотоле гнет, слагали реальные, правдивые миниатюры из жизни тех, кто «сосет мозг народа», и тех, кто «под тяжестью гнетущих бедствий нищают и умирают».

Но одно дело желательная, но еще не осуществленная сплоченная борьба малых против великих, «муравьев» против «медведя», а другое дело охранение от случайных людей своего права на ремесло, своего права на занятие, подготовка к которому потребовала долгих лет упорного труда, и не одного, а многих поколений.

Вот почему таким излюбленным мотивом басен, идущих, бесспорно, из ремесленной среды, является мотив охраны ремесленных прав, отстаивания права ремесла на подобающий ему почет, на признание его заслуг перед обществом.

Именно по этой причине так часто среди басен, касающихся ремесленных кругов или с ними связанных, мы встречаем такие, основной смысл которых заключается в ограждении цеховых прав или, вернее, права на занятие именно своим ремеслом, а не каким-либо иным.

Чаще всего в качестве нарушителя цеховых рамок, как основное действующее лицо рассказа, выступает волк, всегда несущий наказание за то, что, бросив ремесло, которому он обучался и в котором был воспитан и которым жили его отцы и деды, он занялся чужим делом, которому не учился, несвойственным ему и его отцам. А ремесло волка, понятно, — работа мясника.

В кругу этих басен волк чаще всего выступает в роли неудачливого музыканта или певца, своим голосом и воем вызывая появление собак. Такова басня о волке, которого ловко обманул невинный ягненок (17). Это выражено в басенке, вошедшей как составная часть в новеллу о злоключениях волка в качестве второго эпизода, назидание к которому выражено словами самого волка, так как эта новелла, составленная из занимательных частей трех басен, не сопровождается назиданием от автора, от сказителя (140).

В качестве нарушителя правила о том, чтоб не влезать в чужое ремесло и не браться за дело, которому не обучался, выступает не только волк. Но особенно любопытна в этом подборе басен басня о пахаре, змее и лисе, где, также в сводном тексте, выступает в роли судьи уже не волк, а лиса, притом судьи не честного, но глупого и неподготовленного, как волк, который, не умея приступить к делу, взялся быть арбитром за равное и заранее обусловленное вознаграждение от обеих сторон, а в роли судьи-взяточника, что и дает основание для назидания, обобщенного и направленного как против нарушителя ремесленных обычаев и законов, так и против неправедных судей.

Другой случай, когда не волк, а обезьяна выступает в качестве действующего лица, нарушающего цеховую грань, цеховую привилегию, для нас особенно интересен, потому что повествовательная часть, особенно распространенная среди многочисленных народов и древнего и нового времени, используется в каждой данной среде и в каждую данную эпоху с логическим ударением не на том, на чем делается ударение в иной среде и в иную эпоху. Я имею в виду басню об обезьяне и рыбаке, которая может служить одним из многочисленных примеров того, что и ремесленная среда, из которой вышла эта басенка, вошедшая в вардановский сборник, с ее характерным назиданием,

черпала повествовательную часть из старого запаса накопленных народной памятью занимательных рассказов, пригодных к применению для пояснения не одной какой-либо, а и совершенно различных мыслей (44).

Характерно, что Мхитар Гош, отнюдь не чуждавшийся, как увидим, и ремесленной тематики, не уделил в своем сборнике того внимания стремлению цехов оградить свое ремесло от приближения лиц, этому ремеслу не обучавшихся и чуждых данному цеху, какое мы видим к этому вопросу в вардановских сборниках, более народных и близких к повседневным нуждам и заботам низовых слоев.

Мхитара эти заботы о невмешательстве в чужое ремесло, о том, чтобы каждый отправлял только то ремесло, которому он учился, в котором он вырос в доме своего отца, повидимому, не волновали и не интересовали. Если Мхитара не привлекала в баснях, взятых из ремесленнической среды, тематика об ученичестве в отправляемом ремесле, то он охотно и неоднократно возвращался к иному вопросу, заботившему ремесленные цехи, — к вопросу об их сравнительной важности, нужности, почтенности, т. е. об их сравнительном праве на почет.

Есть случай, когда Мхитар заимствует басню из ремесленного обихода и, слегка переместив ударение в своей передаче, по-своему переосмысляет тему рассказа. Яркий пример этого мы имеем в басне «Дубильщик и скорняк» (105).

Естественно, что в обстановке соревнования между собою в притязаниях на почетное положение в общественном мнении и в правовом отношении, но еще в условиях скученной жизни в уличках и переулках средневекового города, при последовательном замыкании цехов в свои рамки и при усиливающейся дифференциации, данный рассказик, характеризующий взаимные пререкания между заведомо близкими цехами, однако, использован Мхитаром для назидания, далеко выходящего за рамки взаимоотношений

ремесленных цехов. Эти две группы ремесленников несомненно выделились в самостоятельные организации сравнительно незадолго до возникновения этой басни. Это, очевидно, и дало повод для определения ремесленников, занимавшихся этим делом, оправданным по существу, но, конечно, грубым и обидным прозвищем «вонючий» — кличкой, которая, вероятно, в равной мере была прикреплена и к дубильщикам, и к шкуроделам в целом. Этим и объясняется обида скорняка на дерзость дубильщика и упоминание им представителя одного из наиболее чистых, т. е. опрятных ремесел, притом издревле пользовавшегося наибольшим, если не почетом (что маловероятно), то влиянием и правами.

Под пером Мхитара эта внутриремесленная, почти что внутрицеховая перебранка стала поводом для суждения не только узко ремесленного порядка, но, с переводом вопроса в плоскость общей морали, о праведниках и неправедниках. Басня имеет в виду многих, которые не терпят, если их корят худшие, чем они сами, но предоставляют право обличения «праведным». Мхитар здесь отходит от ремесленнической тематики, сохранив только заимствованную у нее повествовательную часть.

Но зато в других случаях, как уже было отмечено, Мхитар входит по существу в рассмотрение споров между цехами об их первостепенности, входит, быть может, сохраняя не только рассказ о фактической стороне спора, но и выраженную в самой повествовательной части мораль и оставляя за собой только некоторое обобщение назидательного суждения, никак не противоречащее ни повествованию, ни выраженной им мысли. Трудно сказать, случайно или нет, но обе наиболее яркие басни Мхитара этого типа касаются одного и того же ремесла, а именно кузнечества.

Первая из них отражает спор о первенстве между двумя смежными по роду работы ремеслами, между кузнецом и

медником или, как сказано в подлиннике, железоделом, бронзоделом или медноделом (81).

Первенство отдано кузнецу, и мотивировка его права на первенство, выраженная в самой повествовательной части устами старцев, положена в основу назидательной части, полностью обобщенной уже самим Мхитаром. Эта-то мотивировка и представляет наибольшую ценность данной басни и наибольшую важность для характеристики общественных взаимоотношений с точки зрения и ремесленной среды, и самого Мхитара Гоша. Действительно, кузнец обслуживал нужды и потребности неизмеримо большего круга людей, чем медник или, тем более, бронзодел, бронзолитейщик, особенно если учесть, что кузнец был, прямо или косвенно, необходим и нужен многим тысячам и сотням тысяч своих современников, которые не могли мечтать о приобретении изделий медника, а тем паче о заказе бронзоделу дорогостоящих изделий.

Если мы вместе с Мхитаром выйдем за круг чисто ремесленнических взаимоотношений и споров о первенстве, имеем ли мы право не отметить глубоко общественную мысль Мхитара, что вообще всякий человек, а далеко не только ремесленник имеет тем большее право на почет, чем больше степень его полезности для *hасаракац*, в любом значении этого слова: для простонародья, для общества, для всех?

Как бы ни было, какой бы тончайший оттенок мы ни пытались усмотреть в мотивировке первенства кузнеца в басне «Кузнец и медник», основная мысль исчерпывающе ясна и выражена ярко. Но еще ярче эта же мысль выражена в другой басне Мхитара, в басне о споре кузнеца, плотника и земледельца, которых рассудил сам Александр Македонский (79).

Спор был между железоделом, плотником (буквально дереводелом) и земледельцем. В основу решения, как видно

из текста басни, положены были два, отчасти взаимно перекрывающихся признака: первый — кузнец полезен плотнику и земледельцу, а сам он, предполагается, может обойтись без плотника и без земледельца; второй — кузнец сам производит для себя орудия производства и обеспечивает орудиями производства и плотника и земледельца, из которых последний зависит, в отношении орудий производства, не только от кузнеца, но и от плотника. Сомнений в правильности упора на «производство орудий производства» быть не может, так как в тексте стоит слово *горци*, которое и в древнем, и в новом армянском языках означает орудие производства, будучи по корню связано с именем *горц* 'дело', 'работа' и глаголом *горцел* 'делать', тем самым глаголом, именная форма от которого налична и в названиях всех трех тяжущихся — железодел, дереводел, земледелец.

Много важнее вопрос, почему Мхитар дважды возвращался к праву кузнеца на первенство и оба раза подтверждал это право. Только ли потому, что его убеждала та или другая мотивировка; или потому, что право кузнеца пользоваться почетом особенно оспаривалось в это время; или же кузнецы проявляли особую настойчивость, добиваясь каких-то привилегий, преимуществ; или же, наконец, были иные причины, побуждавшие Мхитара подтверждать первенство кузнеца ссылками на разумные, материальные и каждому доступные для проверки основания? Тут не могло влиять на Мхитара уважение к какой-либо традиции или к ссылкам на давность и древность явления: мы знаем, что Мхитар нашел форму, чтобы высмеять такого рода ссылки на извечность, на незапамятную древность, изобразив беседу между старцами, увлекшимися своими воспоминаниями — воспоминаниями «старожилов».

Учитывая положение кузнецов у самых разнообразных народов Востока как в Передней, так и в Средней Азии,

не так уж трудно если не разъяснить, то хотя бы нащупать, почему Мхитар мог считать нужным подтвердить право кузнеца на первенство в ряду других ремесленников.

Кузнец-подковщик является одновременно коновалом. Кузнец вообще зачастую соединяет в себе железодела и знахаря. Кузнец бывает озарен и славой «ведуна», быть может потому, что очень уж многообразен и различными оттенками сверкает огонь в его горне. У кузнеца нередко бывают в народном представлении какие-то неясные связи с неясными, но не небесными силами. И потому кузнец и пользуется весом в своей деревне, а иногда и по всей округе, и часто воспринимается как такое лицо, с которым не следует быть в плохих отношениях.

А в армянском фольклоре, в древних письменных свидетельствах и в совсем недавнем быту кузнец является, помимо всего сказанного, еще и выполнителем ответственнейшей магической функции, укоренившейся до степени полного слияния с наслоенными на нее и языческими, уже не магическими, а легендарными, историческими и мифологическими представлениями и даже христианскими верованиями. Еще совсем недавно в армянской, разумеется деревенской, среде кузнец каждую пятницу, заканчивая свой трудовой день, должен был трижды крепко ударить молотом по своей ничем не занятой наковальне. Звон этих ударов был в не меньшей мере признаком, что деревня — армянская, чем заунывный отрывистый звон церковного колокола в субботний вечер. Не так легко было бы ответить на вопрос, что́ вызвало бы большее смущение в христианской среде в любой армянской деревне, молчание ли в субботу церковного колокола или деревянного била (если колокольный звон был воспрещен), или же тишина в кузнице при заходе солнца в пятницу. Ведь эти три удара молотом по ничем, на взгляд непосвященного, не занятой наковальне укрепляет звенья цепи, которою в преисподней

был прикован нечестивый Артавазд,[1] звенья цепи, в течение шести дней каждой недели становившейся тоньше и слабее от стачивавшего ее лизания языками мифических «аралезов» и к вечеру в пятницу уже почти готовой разорваться; да она и разорвалась бы, если бы каждый кузнец-армянин не укреплял бы ее по пятницам своими тремя ударами молотом по наковальне.

Рационалистическая мотивировка, подтвержденная баснями 79, 81, устраняла самой своей очевидной убедительностью необходимость и целесообразность приведения каких бы то ни было иных мотивов и причин. В то же время эта мотивировка своей рационалистической убедительностью могла утишить споры в наиболее беспокойной части и городского и сельского населения и могла дать удовлетворение людям, лучше, чем кто бы то ни было, знавшим цену своим орудиям производства, своему инструменту.

Так в баснях Мхитара, в том их подборе, который связан с ремесленническим бытом, сказалась и связь выдающегося деятеля своего времени, ученого, богослова, составителя Судебника, с народными низами, и его готовность содействовать, обобщая выношенные в народных толщах истины, воспитанию не только этих низов, но и людей, которые, используя для себя труд и кузнеца, и плотника, и земледельца, и медника, и бронзодела, еще не задумались над тем, что их право на почет будет так же бесспорно только в том случае, если будет основываться на полезности для всех.

Эти обобщенные назидания Мхитара Гоша должны были, при внедрении их в сознание верхов, «великих», содействовать тому же, для чего Ильяс Низами создавал свою утопию, а Шота Руставели создавал образы витязей и прекрасных царевен, щедро одаренных высокими каче-

---

[1] Моисей Хоренский, II, гл. 31.

ствами и освобожденных от каких бы то ни было слабостей и недостатков.

Мхитара в его басенном творчестве очень волновал вопрос о войне. И это понятно. Родина Мхитара на протяжении всей своей истории выдержала столько нашествий и столько войн, земля ее так была напитана кровью своих сынов, в недавнее перед Мхитаром время вновь испытала такие потрясения, что он не мог не стремиться уберечь свою страну от новых кровопролитий.

Как и во многих других случаях, в этом вопросе басни Мхитара стоят в каком-то внутреннем соответствии со статьями его Судебника. В частности, в баснях устами Левиафана (103), а в Судебнике от своего имени Мхитар возражает против войны агрессивной, советуя избегать инициативы в провозглашении войны даже против иноплеменных.

Особо строго соблюдение требований гуманности устанавливается во всех случаях, кроме того, «если причина войны идет от иноплеменных». Не допускается штурм города, иначе как после троекратного призыва к миру. И во всех случаях налагается запрет на бессмысленное уничтожение культурных насаждений, как известно, — одно из самых тяжелых и на долгие годы разорительных последствий войны в древности и в средние века.

Басни Вардана также в ряде случаев слагаются на военные темы, и характерно, что в этом вопросе суждения басен, по преимуществу идущих из народных низов или прошедших если не на конечном этапе, то на промежуточном через народную среду, откликаются на военную тематику в общем примерно так же, как принадлежащий к иному классу, но для своего времени передовой ученый-законовед и баснописец.

Когда мы, будучи знакомы с баснями Вардана, читаем статью Судебника о сдатчиках крепости, перед нами встает

образ не только куропатки из басни Мхитара, но и образы двух воинов вардановской басни (90).

Когда, зная вардановские басни, мы читаем статью Судебника, запрещающую убийство противника после того, как прекращены военные действия или объявлено перемирие, и слова статьи, ограждающей жизнь сдавшихся врагов, перед нами встает не только образ Давида Сасунского, не допускающего, с кличем: «Разве можно пленных убивать?!», охоту на заключенных в зверинце зверей, но и вардановская басня, которая в исключительно сжатой и живой, т. е. подлинно народной форме не только рисует ужасы войны, но и показывает отношение народных масс к тем нагромождениям феодальных усобиц и войн, от которых Армения страдала не меньше, чем от разрушительных вражеских нашествий (1).

Народу, выносившему в своем сознании этот яркий образ бессмысленной войны, по существу было безразлично, возникла ли война из-за одной капли меда, или из-за полюбившегося одновременно двум феодалам изобилующего дичью клочка земли. Народ испытывал лишь бедствия войны, не получая ни одной капли меда для услаждения жизни, ни одной головы дичи для насыщения своих детей.

Но народ знал, что не все войны возникают из-за капли меда, знал и по-своему откликался на обычные меры предупреждения войн, не внутренних, междоусобных, а войн с иноземным врагом и с иноплеменными, — войн, инициативу в которых Судебник Мхитара советует не брать на себя, — войн, во время которых даже перед штурмом вражеского города надлежит «призвать к миру единожды, и вторично, и в третий раз». Народ знал по опыту своему и своих отцов и дедов цену этих призывов к миру и всем тем переговорам, которые на протяжении истории нередко длительно велись для предотвращения войны и

которые нередко в прошлом, на протяжении истории приводили к заключению договора «о любви и нерушимом мире» на целых сорок лет. Но ценность этих договоров была зачастую не больше, чем ценность замечательного нерушимого договора о любви и дружбе, который в вардановской басне заключили между собою, клятвенно его закрепив, козы и волки (141).

Этот текст хорош сам по себе и в том виде, в каком он *дошел до нас в основной краткой редакции в сборнике* Оломпиана (47), отразившейся в пословицах. Но сохранился и другой извод, развернутый в проповеди самим Варданом (142), с еще большей горечью и иронией воспроизведшим так мало хорошего принесшие народам лживые мирные договоры прошедших времен.

В этом изводе басни не только поднята на высшую ступень насмешка над доверчивостью коз и особо подчеркнуто предательство волков, но подбавлена и соль, обостряющая восприятие фальши, вероломства и показной вежливости, свойственных дипломатическим переговорам и нотам старого мира — все эти превосходные степени похвальных и восторженных эпитетов в применении к противной стороне (противной в обоих смыслах русского слова) и превосходные же степени самоуничижающих — если можно так выразиться — самопоносящих эпитетов, применяемых к себе. Перед нами дипломатический документ восточного средневековья, повышенно вежливый и предупредительный именно потому, что он предельно фальшив. И жгучая ирония звучит в последних словах: «И наступил мир».

К вардановской басне (141) имеется назидание, особенно интересное тем, что своей двойственностью оно в точности отражает миропонимание и понимание задач басни (не басенной морали, а именно задач басни) тою двойственной средой, в которой эта басня жила.

Первая половина этого назидания — вывод, логически вытекающий не только из повествования, но и из всей обстановки жизни создавшего эту басню народа. Вторая половина — притянутый, надуманный, в церковнической среде измышленный вывод из повествования, но вывод, сделанный людьми, которые не решились, как это они делали в других случаях, снять основное назидание, слишком справедливое, чтобы поднялась рука его вычеркнуть.

Это назидание могло сложиться только в стране и в народной среде, испытавших на себе, на своих отцах и дедах, все ужасы межнациональных войн, приносивших разорение народу, феодальных межродовых усобиц, приносивших разорение народу, всю тяжесть эксплоатации человека человеком, приносившей разорение народу, отчетливо познавшему и постигшему непримиримость богатого с бедным, непримиримость бедного с богатым и стремившегося оградить грядущие поколения от тщетных надежд на спокойную жизнь, пока «есть люди, которые трудятся, как волы, и есть люди, которые постоянно ездят верхом и производят опустошение страны».

БАСНИ

МХИТАРА ГОША, ВАРДАНА АЙГЕКЦА и ОЛОМПИАНА



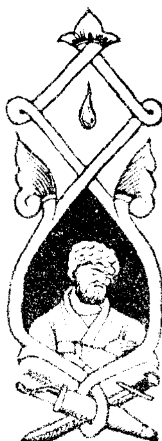
ПЕРЕВОД





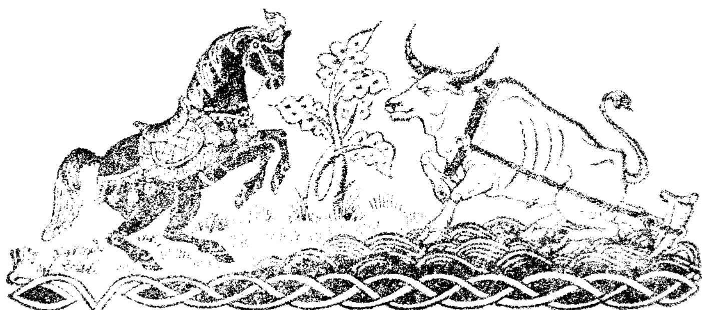
1. КАПЛЯ МЕДУ

Была у человека лавка и продавал он мед. Упала на землю одна капля меду, и села на нее оса, а кот прибежал и схватил осу, а за ним погнался пес и схватил кота, а хозяин лавки ударил пса и убил его. Поблизости от этой деревни была другая, и пес был из той деревни. Как узнал хозяин пса, что лавочник его убил, прибежал и убил лавочника. Тут поднялись крестьяне обеих деревень и начали между собой великую войну, и произошло такое побоище, что остался в живых всего лишь один человек. И всё это — из-за одной капли меду.



Показывает басня, что и все, кто в этом мире, подобно людям этих двух деревень, сражаются между собой из-за одной капли меду.







2. ВОЛ И КОНЬ

Вол и конь говорили между собой. Конь сказал: «Кто ты, и на что ты годен? Вот я — конь, цари, князья и бароны украшают меня золотом и серебром и садятся на меня». Вол сказал: «А я — благосостояние всей страны; я тружусь, страдаю и утомляюсь, а потом ты и твой царь едите мой заработок, и все едят. А если я не буду трудиться, то ты и твой царь тотчас умрете. Не будь же неблагодарным».



Эта басня показывает, что есть люди, которые трудятся, как волы, и есть люди, которые постоянно ездят верхом и производят опустошение страны. И если трудящийся не будет работать, как вол, то умрет и конь и его всадник.



3. БЫЧОК

Бычок, бодаясь, бьет землю рогами и теряет их, а когда вновь вырастают, больше не роет ими землю.



4. КУРИЦА И ХОЗЯИН

Курица, будучи поймана своим же хозяином, очень кричала, и слышавшие ее крик упрекали ее: «Чего ты попусту так кричишь?». А курица сказала: «Я страшусь, ибо отнюдь не всегда он ловит кур с добрыми намерениями: иногда, подвесив их вниз головой, он много дней несет в пути, а иногда и поджаривает на угольях и ест».

Эта басня раскрывает нравы господ, ибо не всегда получаешь от них хорошее, даже если они ласковы. Но иногда следует ожидать также и зла и быть на-чеку и общаться с ними осторожно.



5. ГЕПАРД



Гепард, погнавшись за дичью и не настигнув ее, упрекал своего вожака, не ел, не пил и на коня не садился. А тот сказал: «Сам ты виноват, потому что гонишь дичь лениво, а не с упорством».



6. ЦЕРКОВЬ И МЕЛЬНИЦА

Церковь возгордилась своей святостью и сказала: «Я — храм и дом божий; чтоб во мне возносить молитвы богу и совершать литургии, приходят священники и прихожане, и примиряется бог с сим миром, и дается отпущение грехов!». Тогда выступает мельница и говорит церкви: «То, что ты говоришь, правдиво и истинно, но ты не забывай и моих заслуг: я день и ночь тружусь и зарабатываю, чтобы священники и прихожане ели, а затем к тебе шли молиться и поклониться богу».



Эта басня показывает, что есть на свете люди, которые постоянно работают и трудятся, как пчелы, а цари, и князья, и священники, и прихожане их заработок едят, а потом идут в церковь и бога благословляют и поминают.





7. ДЕРЕВЬЯ И МУДРЕЦ

Мудрец вопросил деревья: «По какой причине, чем больше вы растете вверх, тем глубже запускаете корни?». Они говорят: «Как же ты,—мыслитель и не знаешь, что мы не могли бы нести столько ветвей и противиться натиску ветра, если бы мы не пускали глубоких разветвленных корней? Видишь наших братьев, бук и сосну: они хоть и не ветвисты, но, глубоких корней не имея, не могут противостоять ветру».

Тому, кто хочет изучить суть вещей, в области тела или духа, надлежит начинать с прочных основ, дабы не пасть от испытаний и дабы творить полезное дело. Если же начать поверхностно и не углубленно, то легко можно быть повергнутым.





8. МУРАВЕЙ

Муравей проворен в работе и весьма находчив, но завершает он свое дело стойкостью и терпением.



9. КУРОПАТКА И ОХОТНИК

Охотник поймал куропатку и хотел ее зарезать. Говорит куропатка, плача: «Не режь меня, я пригоню для тебя очень много куропаток и предам их воле твоей». И говорит ей охотник: «Сейчас ты умрешь от руки моей, ибо предаешь на смерть ближних своих и племя свое».





10. ОСЕЛ В ЛЬВИНОЙ ШКУРЕ

Был осел, а прикинулся львом, ибо накинул на себя львиную шкуру и издали наводил страх и даже обратил в бегство стада коров и отары овец. А когда подул сильный ветер и сорвал с него львиную шкуру, обман его стали обличать, и все приложились к нему, — одни стегали, другие били его. Ибо то был осел, а перед всеми прикидывался львом.



11. ЛЯГУШКА-ВРАЧ

Лягушка навесила на себя ступку и банку для мази, бродила всюду и говорила: «Я врач, ученый, и от всех болезней я знаю лекарство». И собрались к ней все животные для лечения. Пришла лиса и, увидев этого врача, говорит: «Ты сама вся, от головы до пят, в бородавках и прыщах, а других врачуешь».



12. БОГ И ЕГО ТВОРЕНИЕ



Бог некогда, создавая творения, убоялся прекословия. И смешал он тяжелое с легким, слабое с сильным, дабы, если они притовостанут, то — между собою, а не творцу.

Эта басня поучает царей противопоставлять друг другу великих и малых, чтобы они сражались между собою, а не против царей.



13. ЯСТРЕБ И ПЕРЕПЕЛКА

Ястреб, увидев у перепелки много детей, поздравлял ее и воздавал богу хвалу. И говорит перепелка: «Если ты искренно воздаешь богу хвалу, — и сам будь благословен». И тут же ударил ястреб на одного из ее птенцов и схватил его. Говорит перепелка: «Вот, теперь ясно, что ты воздавал богу хвалу только по своей жадности».

Эта басня раскрывает нравы князей, ибо радуются они успехам тех, кто под их властью, считая их достояние больше своим, чем принадлежащим владельцу.





14. ГОЛУБИНАЯ КРОТОСТЬ

Некто много раз брал из гнезда птенцов голубя и хвалил его за кротость. И голубь сказал: «О ты, жестокосердный, если я прозван кротким, то разве тебе позволено быть кровопийцей? Вот и ясно, что ты злоумышляешь, хваля меня».





15. УМНЫЕ ВОРОНЯТА

Ворона собрала воронят и поучала их, говоря: «Дети мои, будьте осмотрительны, остерегайтесь человека и особенно, когда он наклоняется, чтобы поднять камень». И спрашивают ее птенцы: «Матушка, а что нам делать, если человек заранее взял камень в руку?». Мать ответила: «Ну, теперь я знаю, что вы не пропадете».





16. КОРШУНЫ И ОРЛЫ

Коршунята говорят своим родителям: «Почему вы не ловите для нас живой дичи, подобно орлу и соколам, а приносите нам в пищу кости мертвых?». А те говорят: «Дети, ради того сделал нас бог долговечными, что мы не убиваем живых и довольствуемся мертвечиной, подобно священникам, а не грабим живых, по примеру князей».



17. ВОЛК И ЯГНЕНОК

Был в хлеву прелестный ягненок, вот забрался волк и схватил его, чтобы съесть. А тот упал ему в ноги и говорит: «Бог отдал меня во власть тебе, так помилуй меня и сначала сыграй на своей трубе, чтобы я послушал и исполнилось мое желание; ибо слыхал я от отцов моих, что волчий род — великие трубачи». А тот поверил этим нелепым словам, присел и во всю глотку завыл, и вот проснулись собаки и искусали его. И убежал он, а выбравшись оттуда, присел на холме, плача и бия себя, и говорил: «Достоин я этой напасти: ну кто же сделал меня трубачом, ведь я же всегда был мясником и сыном мясника».





18. ПАУК

Паук по природе своей ткет паутину, чтобы охотиться, но иногда столько наткет, что заболевает и умирает. А плод его трудов — какая-то муха.



19. ВОЛК И ОСЕЛ

Волк нашел жирного осла и хотел его съесть. И говорит осел: «Молю тебя, о волк, раз уж бог предал меня тебе для пропитания, съешь меня, но сперва исцели язву моего сердца: гвоздь пребольно вонзился мне в ногу и мучит меня». Волк подошел к ослу сзади, чтобы вытащить гвоздь, а осел со всей силы лягнул и ударил волка в морду, и раздробились его челюсти.

Горько тут заплакал волк и говорит: «По справедливости я несу это бедствие, ибо изначала и всегда я был мясником, так кто же меня сделал коновалом?».





20. МУЖИК И ЧЕСНОК

Гален называл чеснок териаком сельчан. Один мужик, услыхав, съел целую меру и, обезумев, ослеп.



21. ЛЕВ-КАЛЕКА

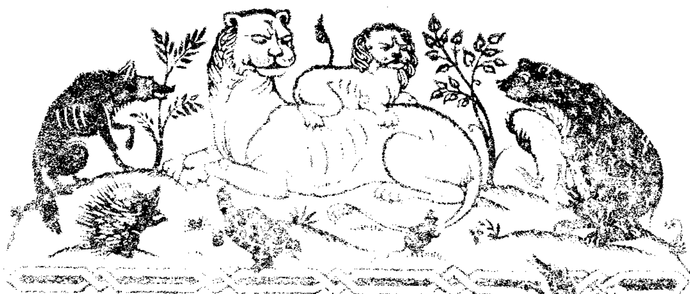
Лев, сломав ногу, роптал на всех животных: «Вы — мои подданные, ибо я властитель зверей, почему же вы теперь не приносите за меня жертв, чтобы я поправился?». А они говорят: «Потому, что мы не находили у тебя защиты ни от медведя, ни от волка, ни от других зверей, да и ты сам нас не щадил. Но надлежит нам богу приносить дары за то, что он послал тебе такую беду».

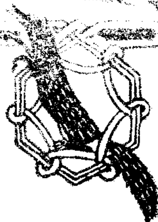




22. ВОЛ

Вол убежал из-под ярма плуга и, будучи пойман землепашцем, был приведен на гумно, сбежав от него, был запряжен в арбу, а сбежав и от нее, — использован на многие работы, пока не убедился в невозможности бегства и, примирившись, забыл думать о нем.





23. ЛЬВИЦА И ЛИСИЦА

Львица родила львенка, и собрались все животные, чтобы повидать его и принять участие в празднестве. Приходит лиса и во время торжества, среди всего этого собрания, громко упрекнула львицу и поносила ее: «В этом ли твоя мощь, что рожаешь одного детеныша, а не многих?». Львица спокойно ответила: «Да, я рожаю одного детеныша, но рожаю льва, а не лисиц, как ты».



24. АРАМАЗД И ЗМЕЯ



Арамазд справлял свадьбу своего сына.

Приходили все животные и приносили дары новобрачным. Является змея и приносит прекрасную, благовонную ветку, розу с листьями. А он прогнал змею и сказал: «Не подобает принимать что-либо из твоего рта, полного яда».



25. ВЕРБЛЮД, ВОЛК И ЛИСА



Верблюд, волк и лиса пошли вместе и, найдя оброненный путниками один белый хлебец, говорят: «Что же нам с ним делать, ведь его не хватит на нас на всех?». Говорит лисица: «Это — еда для одного; кто из нас старше и ветх деньми, пусть и съест». И все трое согласились. Волк сказал: «Я тот волк, которого во дни потопа сам Ной взял в ковчег». Лиса сказала: «Ты товарищ моему внуку: ведь я — та лиса, которую сам бог создал и предъявил Адаму, а тот нарек меня лисою». А верблюд вытянул шею, взял хлебец, поднял голову, стал жевать и говорит: «Вы коротыши, а так говорите! Ну, а эти ноги, что у меня, разве же они выросли у молокососа?». Волк и лиса ходили вокруг, но не могли ему повредить, отстали и убежали.





26. ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА

Лев, волк и лисица побратались и, выйдя на охоту, нашли барана, овцу и ягненка. Говорит лев волку, испытывая его: «Раздели этих животных между нами». И говорит ему волк: «О царь, это сам бог разделил: баран тебе, овца — мне, а ягненок — лисе».

Лев рассердился, дал пощечину волку, и выскочили у того глаза, и, присев, он горько плакал. И говорит лев лисе: «Раздели этих животных между нами». Говорит лиса: «О царь, это сам бог разделил: баран — тебе на обед, овца — тебе на завтрак, а ягненок — тебе на ужин». И спросил лев: «О жалкая плутовка, кто тебя научил этому справедливому разделу?». Говорит лиса: «Глаза волка, что выскочили наружу, научили меня».







27. ВДОВА И ПОП

Украл священник у вдовы корову и поставил ее в хлев. Вдова узнала и говорит тому священнику: «Батюшка, настал час моей смерти, пойдем в хлев, чтобы я исповедалась». Тогда священник перевел корову внутрь, затем — в притвор, а оттуда и в церковь. А вдова говорит ему: «Батюшка, предсмертную исповедь надлежит пред алтарем приносить». Священник поднял корову в алтарь и задернул занавес. Войдя в церковь, вдова приподняла занавес и говорит корове; «О негодница, я тебя всегда считала коровой, так скажи же, кто тебя поставил служить обедню?».





28. СОЛНЕЧНЫЙ ЦВЕТОК

Цветок камыша и подобные ему были обвинены, что они солнцепоклонники. А он, воздев свои руки к солнцу, солнцем поклялся: «Я — не солнцепоклонник!».





29. МЕДВЕДЬ И МУРАВЕЙ

Медведь разрывал лапой муравейник, языком слизывал муравьев и ел, и муравей придумал способ убить его. Отправившись к осе, к оводу, к комару, к клещу, к шмелю и к им подобным, молит он их, как своих сородичей, помочь. Они разделяют заботу муравья и жалят медведя в глаза и уши. Бился он головой о камни, и пошли у него нарывы, даже черви завелись, и от ужасной боли, разинув пасть, он ревел. А мелкота, проникнув в его чрево, ранит его внутренности. Будучи затравлен, медведь устремился к потоку и, слишком глубоко погрузившись в воду, утонул.



Сила этой басни вот в чем: сильные слабыми пренебрегают и не боятся их, но мудростью укрепляются малые и побеждают сильных, и вот мудрость: малых опасаться, как великих.





30. УМИРАЮЩИЙ ВЕРБЛЮД

Лиса набрела на умирающего верблюда и села около. Верблюд спросил: «Чего ради ты пришла сюда?». Лиса говорит: «Ты умрешь, а я съем твое мясо!». Говорит ей верблюд: «О жалкая лиса, ты не сможешь дождаться моей смерти, ибо шея у меня длинная, и душа из меня медленно изойдет». А лиса отвечает: «Но я, как и весь мой род, очень терпелива; потерплю, хотя бы ты на сорок дней задержался».





31. УДОД

Удода, хотя он, по праведности своей, и питает своего престарелого отца, многие упрекали за его дурной запах.

А он, найдя благовонное вещество, припрятал его на груди, но не смог скрыть своего зловония.



32. ЕЖ И ХОМЯК

Хомяк убеждал ежа: «Сына я твоего возьму на воспитание, и будем мы друзьями». А когда еж, после долгих уговоров, согласился, хомяк сказал: «Трудно его целовать, так сними же с него иглы, чтобы можно было его ласкать». И, поддавшись обману, еж сделал это, а когда отдал хомяку своего сына, тот сожрал ежика, и ничего уже нельзя было поделать. И ушел еж в великом горе.



33. РЕПА И МОРКОВЬ



Репа спросила у моркови: «Зачем ты так глубоко уходишь в землю?». А та говорит: «Изумляюсь твоей дерзости, ибо будучи красной и белой, ты выставляешь себя на показ!». На что репа ответила: «Это плохо, но плоха и твоя трусость!».



34. ФИЛИН И ОРЕЛ

Филин отправил послов к орлу и просил его дочь себе в невестки, говоря: «Ты витязь дня, а я витязь ночи, мы оба достойны друг друга, чтоб породниться». После многих уговоров орел согласился выдать свою дочь. И когда играли свадьбу, то днем жених не мог видеть света, и над ним насмехались приглашенные, а как настала ночь, — невеста ничего не видела, и опять посыпались кругом насмешки. Вследствие чего сразу же расстроилась свадьба.





35. СОКОЛ И ГОЛУБЬ

Сокол погнался за голубем, и тот возопил: «Я ведь дар господу, не причиняй мне вреда!». А сокол ему говорит: «Дар господу пусть будет на престоле у господа, а не мотается здесь в воздухе!». И, поразив, съел его.



36. ОРЕЛ

Орла просили все подвластные ему птицы: «Будем неукоснительно представлять тебе подати, но когда попало не устрашай нас». Он обещал и долгое время пребывал с ними в мире. И начали они восставать и издеваться над орлом и, собравшись, замышляли даже и свергнуть его. Воробей и тот хвалился: «Нагадив ему в глаза, я ослеплю его». Каждый тут похвалялся, чем мог, и стали даже сражаться с орлом. И он, не стерпев, кинулся на них и многих из них умертвил.





37. КРЕЧЕТ И ВЯХИРЬ

Птенец вяхиря ускользнул от когтей кречета. И сказал кречет: «Да будет это в дар богу». Насмеялся над ним вяхирь: «Дар богу лишь то, что ты своими руками представишь».



38. БУЙВОЛ-ЗЕМЛЕМЕР

Буйвол пожелал стать землемером. И наскучило ему измерять, отправился он и улегся в камышах, а учитель упрекал его в лености. А он ответил: «Разве только землю нужно измерять? Буду я водомером».



39. ГЛУПЕЦ И ВРАЧ



Случилось как-то Галену поучать относительно телесного здоровья: «Кто будет осторожен в еде и пище, тот не будет нуждаться в нашем искусстве».

Некто, слыша это, не стал ни есть, ни пить, и от этого приключилась ему тяжкая болезнь, и стал он бранить Галена. А тот, услыхав, говорит: «Разве ты не знаешь, безумец, что мы не создатели природы, а ее помощники? Почему же ты не уразумел моих слов и соответственно не действовал?».



40. ОВЦЫ И ВОЛК

Поднялся волк на гору и, увидев у подножья отару овец, сказал: «Мир вам!».

А старейший баран говорит товарищам: «Братья, хотя и благовествуют нам мир, но — спасайтесь, кто и как может!».



41. ВОР



Вор забрался в богатый дом. Хозяин, войдя, увидел его, хотел прибить палкой и схватить. Но вор опередил его и бил, говоря: «Почему, видя меня за работой, ты не сказал: *Бог помочь?*». Тот стал кричать, позвал на помощь людей и привел вора на суд. Когда судья спросил: «В каких добрых делах ты требовал благопожелания?» — тот ответил: «Если это не было добром для него, то для меня это было зело добро». Но это ему нисколько не помогло, и было приказано его повесить.



42. МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Лев заболел, и звери спешили его проведать. Лиса запоздала, и медведь стал на нее наговаривать льву, а друзья сказали ей. Говорит лев: «Не в добрый час ты, дрянь, пришла, скажи, почему опоздала?». «Не гневайся, добрый царь, ибо, клянусь тобою, радея о здоровье твоем, посетила многих лучших врачей и узнала лекарство». И говорит лев: «Добро пожаловать, умница, что же это за лекарство?». — «Оно очень доступно и полезно! Врачи сказали: Шкуру с медведя сдерите, и, еще теплую, набросьте на льва, и тотчас боль вытянет». Лев повелел, схватили медведя, стали сдирать шкуру. Он выл, ревел, а лиса говорит: «Вот тебе, да и всем, кто, войдя во дворец, будет на другого наговаривать».







43. ЛЕВ И ЛИСА

Лев, взяв на службу лису, велел: «Как увидишь, что налились глаза мои кровью, скажи — это знак, что я уже готов к охоте». Лев охотился, и оба они ели. Зазналась лиса, ушла от льва, сама взяла на службу волка и говорит: «Нальются ли мои глаза кровью иль нет, если спрошу, говори: „Да, много крови в твоих глазах“». И сказала лиса: «Посмотри, налились ли глаза кровью» — как научилась у льва — а волк говорит: «Много крови в твоих глазах, очень густой».



Засела лиса на тропке, набежали олени, кинулась навстречу, как научилась у льва. Ударили ее олени ногами, разбили лоб, упала она без памяти. А волк говорит: «Вставай, теперь и вправду сгустилась кровь в твоих глазах».





44. ОБЕЗЬЯНА И РЫБАК

Обезьяна имеет привычку, видя, что делает человек, делать то же самое. Увидела обезьяна, как рыбак закинул сети, чтобы ловить рыбу, а сам ушел обедать. Спустилась тут она с дерева, взяла сеть, хотела подобно рыбаку закинуть ее, но запуталась в ней и говорит: «Поделом мне, ибо я взялась за то, в чем несведуща».





45. ИСПОВЕДЬ

Некто пошел к игумену и говорит: «Я ударил духовное лицо». А тот говорит: «Ударил палкой или мечом?». — «Мечом». Спросил: «Ударил плашмя или лезвием?». — «Лезвием». Спросил: «Ранил или убил?». — «Убил!». Тот сказал: «Негодяй, после убийства ты говоришь об ударе? Насколько же тяжелее убийство, чем побои!».





46. МОЛИТВА МАЧЕХИ

У вдовы была корова, а у ее пасынка был осел. Пасынок воровал корм у коровы и давал ослу. И стала вдова молить бога, чтобы осел околел, но издохла корова. Вдова плакала и сказала: «Горе мне, молитва моя повернулась наоборот! Боже, как же ты не сумел отличить осла от коровы?».



47. ВОЛКИ И ОВЦЫ



Волки, отправив к овцам послов, говорят: «Причина непрестанных войн и упорной распри между вами и нами — собаки, ибо раздражают они нас и возбуждают против воли нашей вражду; но если они будут изъяты, то наступит мир между вами и нами и зла от нас больше не будет!». Согласились овцы, ибо они неразумны, и отвергли песью стражу, а волки, найдя их без собак, набросились и всех истребили.



48. ВДОВА И СЫН

Было у вдовы десять коз, и ее сын всегда водил этих коз пастись. Мать всякий день подливала в молоко одну кружку воды, а затем ссужала его взаймы. Говорит сын: «Зачем ты грешишь, подливая воду в молоко?». — «Сынок, мало у нас молока, потому я и делаю так, чтобы побольше было, чтобы нам припасти на зиму молочное». Однажды, пока мальчик пас коз, нашла туча, полил дождь, образовался поток и, унеся коз, потопил их в реке. Мальчик засветло вернулся один со своей палкой. Мать говорит: «Где же козы, почему ты вернулся домой так рано?». — «Мама, те кружки воды, что подливала ты в молоко, стеклись вместе, обратились в поток, а поток, настигнув наших коз, унес их в реку».







49. МОЛИТВА ТОРГАША

Человек молился богу, чтобы послал он ему сто драмов, и говорил: «Если дашь мне сто драмов, то, вот, я дам тебе десять на лампадное масло». И по воле бога однажды он нашел девяносто драмов и говорит: «Боже, творец мой, это очень умно с твоей стороны, что ты вперед удержал свои десять драмов на масло, а потом уж дал мне сто драмов без десяти».



50. ТЕЛКИ И ВОЛЫ



Телки резвились и упрекали волов: «Вы никак не можете избавиться от преследований и от трудов». И вот приехал царь, и собрали телок и стали их резать на обед царю и войску его. И говорят волы: «Вот, дети, ради этого дня вы пребывали в безделии и жирели».



51. УТОПАЮЩИЙ ОСЕЛ

Осел упал в реку, стал тонуть и от страху напачкал в воду. Всплыл на поверхность воды его помет и, плывя, опередил осла. И воскликнул осел: «Ах, ты дрянь, озорник, да ты ведь вышел из моего нутра, скажи же, пожалуйста, где ты научился плавать?».



52. ДОВЕРЧИВЫЙ ВОЛК



Няня уговаривала ребенка, когда он плакал: «Если не замолчишь, возьму я и кину тебя волку!». А волк это услыхал и, надеясь на исполнение угрозы, ждал до вечера, чтобы младенца взять. Настал вечер, ребенок заснул, а волк, уйдя, вернулся к себе впустую с охоты.

Волчица его спросила, а он в объяснение сказал: «Я обманулся, поверив женщине!».

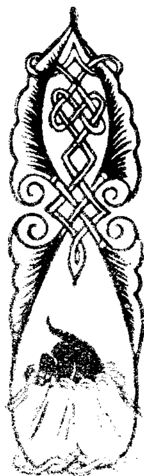


53. КРОТ

Крот по природе своей постоянно роет землю и нигде долго не пребывает; говорят, что он скверно пахнет, сам от своего запаха переходит с места на место, думая, что запах — от места, и то тут, то там роет ходы. А запах-то — от него самого.



54. КРОВАТЬ ДОЛЖНИКА



Какой-то старейшина в царственном городе Константинополе задолжал без числа и без меры; никто о том не знал, а сам он вовсе не беспокоился, но беззаботно спал. А когда он умер, выяснилось, что он кругом в долгу. И кесарь, услыхав об этом, сказал: «Принесите мне его кровать, ибо она чудотворна и дает сон человеку. Удивительно и достойно восхищения, как мог спать имеющий столько долгов!».



55. ЛИСА И ПРИМАНКА

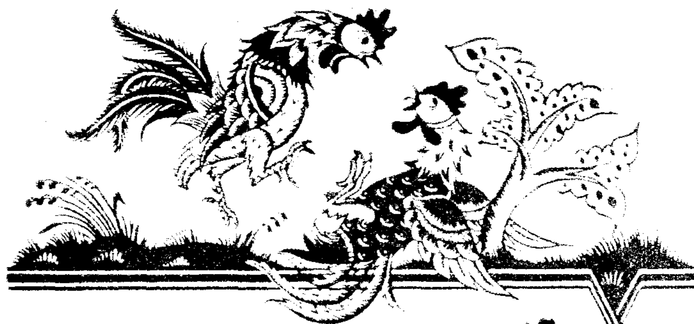
Лиса увидела, как человек разбрасывал на дороге куски сыру, и его спросила: «Зачем ты это делаешь?». Он сказал: «Делаю я это ради спасения души». Сказала лиса: «Если ты сыр разбрасываешь ради своей души — блаженна твоя душа, но если это ради моей шкуры, то горе твоей душонке!».





56. ОЛЕНЬ И СОБАКИ

Мать говорит оленю: «Ты и ростом превосходишь собак и быстротою, и длина рогов защитой тебе. Что же сталось с тобою, что ты так поддаешься страху перед собаками?». А олень отвечает: «Я прекрасно вижу свой рост и горжусь рогами, и в беге побеждаю, но чуть только услышу лай, тотчас же все мои мысли путаются, я впадаю в ужас и обращаюсь в бегство».





57. ПЕТУХИ

Два петуха дрались на улице, и один победил другого. Возгордившись, он взлетел, взобрался на высокую кровлю, стал там надменно расхаживать, петь и топорщиться по случаю своей победы, гордясь ею. Но вдруг налетел орел, подхватил его и унес в небеса.



58. ЗАВИСТНИК



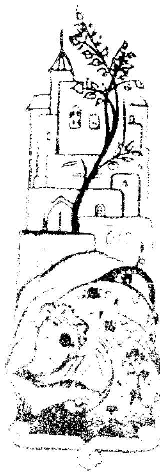
Знал некий царь о своих воинах, что они втайне питают зависть друг к другу. И говорит царь одному из них: «Проси у меня какого хочешь возвеличения, чтоб я тебе воздал, но с тем, что твоему товарищу я дам вдвойне по сравнению с тобой». Говорит тот в мыслях своих: «Если я попрошу себе какого-либо блага, то он тому даст вдвойне!». И говорит царю: «Выколи мне один глаз!». Это — чтобы другому он выколол оба.



59. СВИНЬЯ И ЦАРЬ

Великий и благомысленный царь поселил во дворце красивую свинью и пожелал возвеличить ее и прославить. Изготовил он ей золотую серьгу, ценою в одну тысячу дахеканов, и затканную золотом бесценную белую шелковую мантию накинул на нее, а серьгу вдел ей в рыло. А она поутру бродила по городу и вываляла в грязи мантию и серьгу.





60. ПЛАТОН И СЛОНЕНОК

Слон отдал сына учиться философии у Платона. И тот сначала приучал его сидеть в аудитории поджав ноги, а слоненок не мог; приказал ему наклонить голову, но и этого он не смог. Вернул его отцу и сказал: «Твоему сыну подобает быть в царском дворце, всегда пребывая на ногах, а вовсе не в моей аудитории, так как он не может ни сидеть, ни склонять голову».



61. КОЗА И ВОЛК

Сидела как-то коза на высокой стене, а волк пришел и сел под стеною. Посмотрев на него, коза говорит: «Ой, хочется мне спуститься вниз и вспороть рогами брюхо этому волку!». Тогда говорит волк: «Видеть бы моим глазам, как пришла бы коза вспарывать мне рогами брюхо!».



62. ПЕТУХ И ЦАРЬ



Принесли петуха во дворец, чтобы пел по ночам. Царь, увидев петуха, сказал: «Все, что тебе нужно, я тебе дам, а ты пребывай чистым во дворце». Увидел царь, что петух ходил и копался во всякой грязи ногами и клювом, и говорит: «Глупец, разве я тебе не сказал: „чистым пребывай", а ты постоянно копаешься в навозе и во дворце топчешься и пачкаешь». А тот говорит: «Трудно бывает оставить привычное дело».



63. ВОЛЧОНОК И АЗБУКА

Поймали однажды волчонка, написали буквы и велели ему читать. И говорят: «Скажи *Аз*», а он: «Агнец». Говорят: «Скажи *Буки*», а он: «Баран». Говорят: «Скажи *Глаголь*», а он: «Гусь». Говорят: «Скажи *Добро*», а он: «Добыча». Говорят: «Скажи *Есть*», а он отвечает: «Если не поспешу, пройдет стадо, и не догнать будет».





64. СКВОРЕЦ И ПОП

Скворец отдал своего сына в учение на священника. А сын всё норовил свистеть и щебетать. И священник поучал его налегать на славословия и псалмы, от чего возникают в душе скорбь и покаяние. А тот все больше резвился, говоря: «Искусство моего отца — источник радости, а твое — печали». И став глух к учению, возвратился к себе домой.



65. СВАРЛИВЫЙ ВЕРБЛЮД

Погонщик ударил верблюда, а тот гневно сказал: «Смотри не ударяй меня, когда я печален, не то умрешь от меня». Тот спросил: «А какие признаки твоей печали, скажи, чтобы, заметив их, я не ударял тебя». И верблюд говорит: «Как увидишь, что у меня губа отвисла, а ноги упорно молчат, то это — признаки печали». А тот ответил: «Ведь в любой час ты таков, как же мне узнать?».



66. БОБР



Иные упрекали бобра: «Почему ты часто прячешься в воду?». И он сказал: «Потому, что не довольствуются тем, что берут при жизни от меня железы, но и после смерти сдирают с меня шкуру».

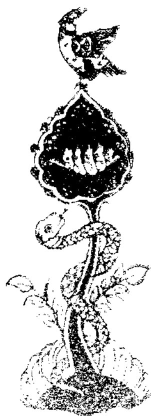
Эта басня направлена на злых господ, ибо они при жизни мучат и после смерти.



67. АИСТ И ПТАШКИ

Пташки упросили аиста, чтоб он им позволил свить свои гнезда, ради безопасности, под самым его гнездом. А змеи, поселясь в хворосте, из которого аист устроил свое гнездо, стали похищать малых птенчиков. Известно, что аист имеет привычку, повернув голову, щелкать над спиною клювом, как костяшками. Птенчики думали: «Он нас жалеет», и говорили: «Очень благодарим тебя: если ты и не можешь помочь, то хоть сочувствуешь».

Эта басня означает: иной царь или князь не могут помочь своему народу и охранить его от врагов, но налоги с лишком требуют с бедняков, а сами предаются изнеженности.





68. СОЛНЦЕ

Некогда солнце возомнило о себе, что оно бог. Это было при восхождении. А когда, склонившись, скрылось под землею, познало свою природу.



69. РАК И ЛИСА

Лиса и рак побратались и посеяли, сжали, смолотили и собрали зерно в кучу. Лиса говорит: «Поднимемся на тот холм, и кто быстрее добежит до гумна, пусть возьмет пшеницу». Поднялись на холм, а рак говорит: «Будь мила, как соберешься бежать, ударь меня хвостом, чтоб мне знать, когда бежать за тобою». Раскрыл рак клешню, и когда лиса ударила хвостом и побежала, уцепился за ее хвост. Лиса добежала до самой кучи, обернулась посмотреть, где рак, а тот упал на кучу и говорит: «Во имя бога, вот мне три мерки с половиной». Удивилась лиса: «Ах ты, проказник, когда же ты сюда явился?».



70. БАБОЧКИ



Бабочки, пока они порхают в воздухе, не приносят никакого вреда, но, спустившись на землю, рождают гусениц, разорителей страны.



71. ПЕТУХ И ЛЕНТЯИ

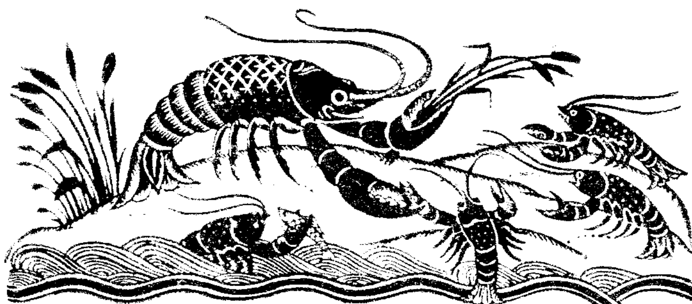
Петух пропел много раз и говорит: «Ведает сам господь, что усердным хватит и одного или двух криков, много же раз я кричу — для лентяев. Да и тут лентяи не просыпаются, а кричу-то я только, чтоб лишить их возможности отговорок».

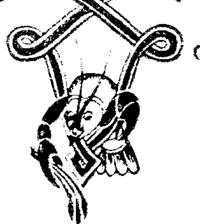




72. КОРОВЫ

Возроптали однажды коровы: «Мы стараемся ради наших детей и собираем в вымени молоко, а люди, выжимая сосцы, берут себе наработанное нами; уйдем и больше не вернемся к ним!». А одна из них, мудрая, говорит: «Это не так, ибо люди берут то, что сверх потребностей наших детей, и заботятся о нас и о наших детях, и мы получаем больше, чем даем». И поняв это, они возвеселились.





73. РАК И РАЧАТА

Рассказывают, что рак наставлял своих детенышей ходить по дороге прямо, а сам шел криво; они же, видя, как ходит мать, так и шли. И когда мать с угрозою наказывала им ходить прямо, то они говорили: «Как ты ходишь, так и мы!».



74. СТРОПТИВЫЙ КОНЬ



Закинулся конь, не пожелал повиноваться всаднику и ускакал. И пока он блуждал, встретился ему лев, а когда он убежал от льва, повстречался медведь, а спасшись от него, конь наткнулся на волка и других подобных. И, смирившись, он возвращается к хозяину, покоряясь не ради корма, а чтобы избавиться от лютой смерти.

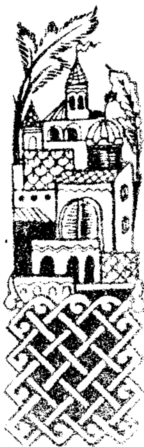




75. ЩЕДРОСТЬ

Говорится в историях, что некто пришел к царю Александру, который был очень щедр, и просил у него милостыни, и подарил ему Александр прекрасный город. И говорят ему князья: «Зачем ты так одарил его? Этот человек не достоин такого города». Говорит царь: «Хоть он и не достоин, но мне-то подобает дарить прекрасные вещи, ибо я щедр».





76. РЫБЫ И ЦАРЬ

Рыбы были обвинены их царем: «Почему вы едите других, мелких рыб?».

А они смело говорят: «Потому, что научились у тебя: когда многие являлись поклониться тебе, ты, проглатывая их, обратил их себе в пищу». Вследствие этого они сами еще более осмелели.





77. БЕДНЯК И ВОЛК

Человек потерял однажды своего ослика и очень огорченный бродил и искал его. Волк, увидев это, говорит ему: «Чего ты ищешь?». Говорит он: «Я потерял ослика и не могу найти». Говорит волк: «Я нашел твоего осла». Говорит муж: «Приведи же его и я тебе дам, как полагается, за находку». Говорит ему волк: «Твой осел завяз в грязи, я три дня возился с ним и едва смог вытащить его. В качестве награды за находку осла я его съел. Я знаю, что ты — бедняк и ничем иным не смог бы вознаградить меня».



78. УНАБ И ДУРЕНЬ



Какой-то дурень срубил дерево унаб, приняв его за держи-дерево. А унаб, разгневанный, сказал: «О безжалостный, растение надлежит узнавать по плодам, а не по внешнему виду».



79. КУЗНЕЦ И ПЛОТНИК

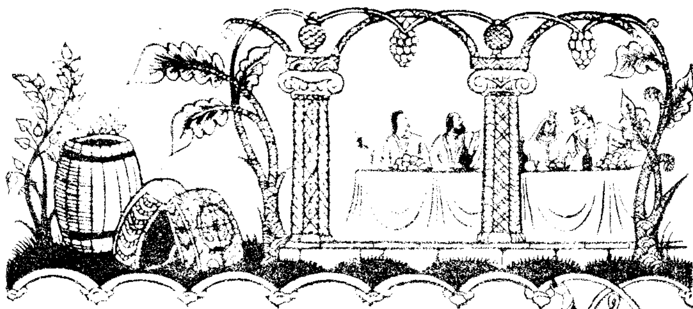
Царь Александр, когда ему строили дворец, более возвеличил кузнеца, чем плотника.

И зависть возымели к кузнецу плотник и земледелец; один говорил, что он создает жилище, а другой — пищу.



Царь услышал об этом и, сам мудрец, призвал еще и других мудрецов, чтобы решить, кому же из спорящих отдать почет. И ответили: «Сказано ведь, что Адам впервые возделывал землю, но кузнечество установлено раньше, так как кузнец делает орудия и для себя, и для плотника, и для земледельца. Поэтому первый в почете — кузнец, а земледелец нуждается в обоих». И убедили плотника и земледельца не завидовать.







80. ОСЕЛ НА СВАДЬБЕ

Осла почтили и пригласили его на свадьбу царского сына. И говорит осел: «Я не музыкант и не мастер плясать, а потому — горе мне: знаю я, что тяжелый вьюк припасен для меня, или же нужно воды натаскать для свадьбы».



81. КУЗНЕЦ И МЕДНИК



Медник и кузнец, породнившись, раз стали похваляться каждый своим ремеслом; заспорив, они даже пошли на суд к старцам.

И признали те более почтенным кузнеца, говоря: «Полезный для всех — достоин почета».

Эта басня показывает, что нет ничего более достойного почета, чем полезность для всех, как в телесных, так и в духовных делах.



82. БЛОХА И ЦАРЕВИЧ

Один царевич был ужасно измучен блохою и искусно поймал ее. Блоха говорит: «Молю, не убивай меня, ибо так мал тот вред, который я тебе причинила». А тот говорит: «Все, что в твоих силах, — ты сделала!».





83. АРБУЗ И ПРОСТАК

Вошел человек в огород и хотел разрезать и съесть арбуз. А тот в ужасе говорит: «Что ты делаешь, разве ты не знаешь, что я — яйцо, снесенное слоном; если возьмешь меня в дом свой и будешь хранить с осторожностью, чтобы я не раскололся, я рожу тебе слоненка, ценою в тысячу дахеканов». И тот, обрадовавшись, послушался и берег его, а когда он совсем сгнил, выбросил его. Таким образом арбуз избег ножа.



84. РЫБА ИЛИ КОТ

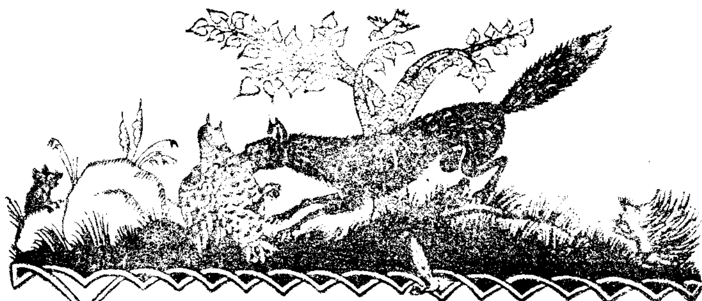
Купил раз человек рыбу, весом в одну литру, принес домой и ушел. А жена сварила ее и угостила своего дружка. Вечером пришел муж домой и сказал: «Дай-ка рыбу, поем». Жена сказала: «Кот съел». И, взяв кота, муж взвесил его, и было в нем весу одна литра. Говорит он: «Если это кот, то где же рыба? А если это рыба, то где же кот?».





85. РАЗБОЙНИК И ПОП

Священника схватил как-то разбойник и хотел его убить. Снизошел на него дух силы, и одолел он разбойника и бил, как тому подобало. А тот молил о пощаде, говоря: «Ты же священник и всегда повторяешь: *Мир всем,* и иное подобное». Говорит священник: «О, злодей, я и бью тебя ради сохранения мира для всех, ибо ты не любишь мира».





86. ЛИСА И КУРОПАТКА

Лиса, поймав куропатку, держала ее в пасти и хотела съесть. И говорит куропатка: «Благословен бог, призвавший меня в свое царствие, ибо я отхожу от сих зол земных; ты же, лиса, восславь бога, а потом уж и съешь меня, и великое благо тебе да будет». Лиса присела, раскрыла пасть, глядя в небо, и говорит: «Славлю тебя, о боже благий, иже уготовил мне трапезу добра». Куропаточка выскользнула тут из лисьей пасти и улетела. И говорит лиса: «О, я безумная и глупая, следовало мне сначала вкусить, а потом уж восславить бога».





87. МУЛ

Упрекали мула, что он — сын осла, а он похвалялся своею матерью, лошадью. Но он проиграл в споре, ибо важнее род отца, чем род матери.



88. ВЕРБЛЮЖОНОК И ОСЛИК

Верблюжонок и осленок плакали и говорили своим родителям: «Горе нам голодным, снедает нас зависть: свинкам дают много ячменя, а нас прочь отгоняют». А их родители говорят: «Потерпите, придет время, когда вы их пожалеете». Настало зимнее время, стали колоть свиней. Осленок и верблюжонок услыхали ужасный визг, дрожь охватила их, спросили они родителей: «Чего они визжат?». Родители повели их и показали им освежованных свиней, а они подняли свои копытца и говорят: «Ой, посмотрите, не пристало ли хотя бы зернышко ячменя к нашим ногам, и если пристало, — снимите».





89. ЛУНА

В полнолуние луна возомнила, что она — солнце и может светить днем. Но на ущербе она и ночью не светит.



90. ДОБЛЕСТНЫЙ ВОИН

Один мудрый воин, хромой на обе ноги, шел на войну, и кто-то из воинов говорит ему: «О несчастный, достойный плача, куда ты идешь? Тебя сейчас же убьют, так как ты не можешь убежать!». А он сказал: «Брат, на войне надлежит не пускаться в бегство, а стоять, сражаться и победить».





91. ФИЛОСОФ НА ПИРУ

Одного философа пригласили откушать к царскому столу. И он воссел с гостями, и виночерпий поднес ему в золотом кубке вино. Он встал и говорит: «Добрый царь, это вино я пью тебе во славу». И выплеснул вино на землю. Князья смеясь сказали: «Ты одурел, философ!». А он говорит: «Смеха достойны вы, ибо вот пролилось на землю вино, а если бы я выпил, то оно свалило бы на землю меня!».



92. ВЕПРЬ И ЛИСА

Вепрь с великим прилежанием и стараньем оттачивал свои клыки. Пришла лиса и говорит: «Чего ты стараешься, ведь пока нет опасения войны и сражений?». И говорит ей вепрь: «Молчи, негодная лисушка, ты ничего не понимаешь в войне. Кто сможет тогда быть свободным от дела и оттачивать свое оружие? Оружие надлежит оттачивать тогда, когда не занят».



93. ПРЕСТАРЕЛЫЙ ВИТЯЗЬ



Некий доблестный воин получил повеление царя выступить, как витязю, в бою с единоборцем другого царя. Робея по причине своей старости, он придумал выкрасить свои волосы и бороду. Но не помог он этим природе и в бою был побежден.



94. КОТ И МЫШИ

Мыши отправили послов к коту и говорят: «Чем пред тобой согрешили, что ты нас так преследуешь, ну, что мы из твоего едим?». А он говорит: «Разве вы не знаете, что люди кормят нас, чтобы мы охраняли их амбары; не будете в этом грешить, — смело гуляйте, я ничем вам не буду вредить». И, приложив лапку к голове, он клятвой подтвердил это.



Мыши, осмелев, хотели подобрать упавшие на землю зерна, а кот кинулся и схватил многих из них. Они говорят: «Разве ты не клялся не взыскивать с нас за упавшие зерна?». А он: «Я не клялся, я лишь по привычке прикоснулся лапкой к голове».





95. СТАРЫЙ ОСЕЛ

Шли ослы стадом по царскому делу, был среди них один, самый старый, умудренный годами и более рослый, чем другие, и все они его почитали и очень уважали. Подымались они в гору, и старый осел ужасно громко заревел и сзади дал сильнейшие раскаты. Подошли другие ослы и говорят: «О, почтенный отец, твой передний голос был обычен для нас, но что это за раскаты страшные раздались с другого конца, молим, скажи нам!». Он ответил: «Дети мои, перед вами я не буду лгать и скажу вам правду: из-за силы переднего голоса я не знаю, какой иной шум и гром бывают у меня с другой стороны».







96. БАРАН

Баран много раз бил рогами о дерево, сломил себе рога, и стал бранить и проклинать дерево. А дерево в ответ говорит: «Ты сам виноват, зачем же ты винишь меня?».





97. ЧЕРЕПАХА И КОНЬ

Черепаха вызвала коня на состязание в беге. Когда был назначен посвященный день, конь отдался удовольствиям и праздности, а черепаха занялась ристалищами, постоянными упражнениями и обучением развивала в себе резвость. Когда настало время состязания и заполнились места зрителей, конь и черепаха, сойдясь, стояли у пуска и получили знак начала бега. Конь от долгого покоя оказался опутанным и даже шагнуть не мог, а черепаха прошла ристалище быстрее, чем кто от нее ожидал, и явилась победительницей.





98. ОВЦЫ И КОЗЫ

Овцы, идя в стаде, трясли своими курдюками. Козы стали порицать их: «Почему вы не идете скромно, подобно нам?». А порицали-то они больше из зависти, чем от скромности.



99. КАПУСТА



Капуста славила себя, как лекарство для живота: «Если поесть меня, то в сыром виде я послабляю, а в вареном креплю». Многое еще лживо возглашала.

Некто, поверив, стал есть капусту, ожидая себе пользы, и начал из его чрева исходить шум, и он бранил капусту, как лгунью и обманщицу, а та говорит: «Поскольку я смогла проникнуть в твое чрево, что мне, даже если выхожу я с бранью?».

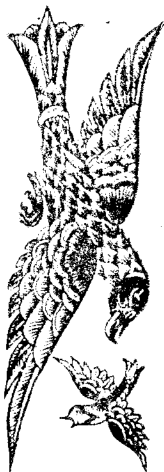


100. ПАВЛИН И ГОЛУБЬ

Собрались птицы, избрали павлина, ради красоты его, и помазали царем.

Приходит голубь и говорит: «Добрый царь, если будут притеснять нас орлы, какую ты можешь дать нам помощь?».





101. ПАВЛИН И ОРЕЛ

Павлин, явив всем свою красу, был восхвален и задумал воцариться. Наставляли его иные мудрые, что не должно взирать на слова соблазна и что воцарение бывает по рождению, но он этому не внимал. Услыхал об этом царь птиц и, явившись, поразил и детей его, и весь род его. И многие, теребя его крылья и оперение, оголили его. Царствования он не достиг, а своей красоты лишился.

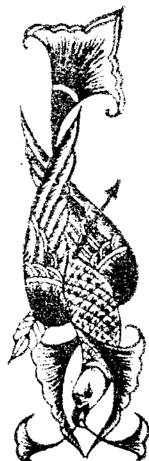


102. ГИБЕЛЬ ОРЛА

Орел летел по небу, и поразили его стрелой. Он изумился, кто это сделал. Посмотрел, увидел стрелу и на ней свое перо, и говорит: «Горе мне, ибо вот — от меня же причина моей смерти».



103. ЛЕВИАФАН



После поставления князей над водами сказали: «О, царь Левиафан, почему ты не делаешь объездов владений и не совершаешь набегов?». А он говорит: «Ибо нет у нас врагов и не нуждаемся мы ни в чем; будем же вкушать то, что наше, а к вам не будем направляться, дабы не быть в тягость». И его слова полюбились им.

Если царство не терпит обиды от другого царя и имеет достаточно для жизни, то хорошо быть миролюбивым, да и своих не тяготить объездами. Но если враги к тому понудят, не вести войны унизительно.



104. ОБМАНУТЫЙ ЛЕВ

Явившись ко льву, животные говорят: «Во всем ты ведешь себя, как князь, но в одном — как вор, ибо ты заметаешь следы». Боясь внезапных нападений, они хотели отвести угрозу.

Смущенный этими словами, лев стал бродить не скрываясь, и, зная теперь о его приближении, они избавились от опасности, а он лишился добычи.





105. ДУБИЛЬЩИК И СКОРНЯК

Дубильщик проходил раз мимо двери скорняка, и тот стал насмехаться и назвал его вонючим. А он, уходя, бранился, говоря: «Если бы меня упрекнул кто-нибудь из золотых дел мастеров или других таких, было бы уместно, но как осмеливаешься ты, еще более зловонный?».



106. ЛИСА И ВЕРБЛЮД

Верблюд и лиса побратались. Пришли они вместе к реке, стали ее переходить, и верблюд вошел в воду первым. Говорит лиса: «Брат, очень глубока река, или нет?». Верблюд отвечает: «Едва по колено». И говорит лиса: «Горе мне, ведь одно дело по колено верблюду, другое — по колено лисе».



107. МИНДАЛЬ И КАШТАН



Миндальные деревья, горькие и сладкие, — братья от единой матери, но от разных отцов. Сладкий миндаль, страдая от горечи брата, сделал себе другом и братом каштан, найдя его по нраву, по качествам обоих. Когда многие укоряли его, он сказал: «Кто избран по воле моей, тот и есть мой брат». И никто не мог ему возразить.



108. ВДОВА И КНЯЗЬ

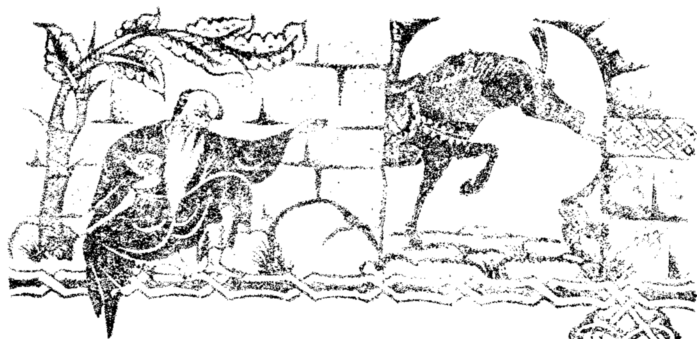
Был один князь, очень злой и нечестивый. Жила в том же городе вдова, и князь, требуя податей, притеснял ее, а вдова молилась, чтобы бог хранил князя от напастей. Пошли, сказали князю: «В ответ на твое зло вдова за тебя молится!». Пришел князь и сказал: «Я тебе не делал добра, почему же ты молишься за меня!». Она сказала: «Твой отец был дурной человек, я его проклинала, и он умер; ты сел на его место, а ты еще злее его; я боюсь, что если умрешь, твой сын будет еще злее тебя».





109. СОРОКА

Обычно сорока в лесу постоянно кричит, особенно если видит кого из животных. Когда птенец спросил ее о причине, она отвечала: «Чтобы враги всегда меня видели бодрствующей и не вздумали охотиться».



110. ОТШЕЛЬНИК И КОНЬ

Некий отшельник пришел голодный в деревню за милостыней, не перепало ему хлеба. И вышел он из деревни и увидел коня одного князя, мусульманина, который был в этой деревне. Взял он коня и отвел в другую деревню, продал его и взял за него один хлеб. Подоспел тот князь и говорит: «О, отшельник, почему ты так щедро отдал моего драгоценного коня, как глупец, за один только хлеб?». А тот говорит: «О, добрый князь, не болтай попусту, ибо Христос повелел: берите даром и отдавайте даром».



111. ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО



Ласточка, спасаясь от охотящихся, устроила себе жилье под балками крыши. И, испытывая утеснение от домашних врагов, мышей, взяла от кошки волосок и положила в гнездо, и птенцы ее пребывали невредимыми.



112. МОЛИТВА БЕДНЯКА

Нищий шел в какой-то город; в дороге он заболел и молился богу, чтобы послал верховое животное, довезти его до жилья. И вот подъезжает верхом некто злонравный, прибил его и говорит: «Ну, вставай, взвали на себя моего жеребенка, так как он не поспевает за матерью». Бедняк встал и горько плакал, так как едва стоял на ногах, а тот все не переставал бить его. И говорит бедняк: «Горе мне, о боже! Вместо того, чтобы облегчить, ты отяжелил мои страдания».





113. ТОПОРЫ И ДЕРЕВЬЯ

Дровосеки взяли топоры, пошли в лес и стали рубить деревья. И говорят деревья: «Что это они делают?». А кипарис говорит: «Горе нам, братья, ибо рукоятки того, чем нас рубят, — от нас же».



114. ПОП И ПТИЦЫ

В праздник пасхи пришли все птицы и, исповедавшись, все причастились. Пришли с ними ястреб и кряква и тоже исповедались священнику: «Не знаем мы за собой другого греха, кроме того, что мы охотились на мышей и лягушек и поедали их». И он, назвав мерзкими, отлучил их. Уйдя, они поймали птенцов и преподнесли священнику. Соблазненный этим, он оправдал обоих, говоря: «Вы же не умели исповедаться, — ведь то, что вы ели, были старые и уже утратившие крылья птицы!». И причастил их.





115. ОГУРЕЦ И ДЫНЯ

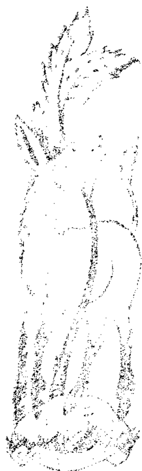
Огурец, рано поспевая, возомнил себя более почтенным, чем другие овощи, а дыня обличала его: «Ты в почете, пока меня нет, а при моем появлении тобою пренебрегают, ибо ты, созрев, омерзителен».



116. ОСЕЛ-ДЕДУШКА

Ослу принесли раз добрую весть: «Радуйся, веселись и дары пожалуй, так как у тебя родился внук». И говорит осел: «Горе мне, друзья мои! Даже если сто внуков из моих чресел родятся, они всё не облегчат тяжести вьюка на моей спине».





117. УЛИТКА И ЕЖ

Убеждал еж улитку, говоря: «Выйди-ка наружу, чтобы мог я тебя угостить и почтить тебя всячески!».

Говорит улитка: «Нет никого, кто бы видел тебя гостеприимным в отношении других, почему же ты будешь таким ко мне? Дело не в этом, а в том, что жаждешь ты моей крови!».

И не вышла наружу, спасшись от него благодаря своей осторожности.



118. ВОРОБЫШЕК

Царь Соломон заболел.

Все животные пришли его навестить, а воробышек не явился, воробышек сказал: «Я более велик, чем Соломон».

Потом он раскаялся и пришел. Соломон спросил: «Скажи, ты говорил, что ты лучше меня?». Говорит воробышек: «Я знал, что ты мудр и поймешь меня: что же мне было делать, ведь когда пришли посланцы, я сидел около самочки!».



119. ВЕРБЛЮДЫ И ЛИСИЦЫ



Три верблюда и три лисы побратались, и нашли они три белых хлеба. Верблюды взяли хлебы, задрали головы и, ворча, жевали хлеб, а лисицы плакали у их ног.

И верблюды, наступив на них, их умертвили.



120. ГИЕНА И ЛЕВ

Лев захватил гиену на воровстве, а она говорит: «Я ем мертвых, ибо не осиливаю живых, а ты, поскольку ты могуч, непрестанно делаешь это».



121. БОГОМОЛКА

Одна женщина, рослая, очень дородная и тучная, оголилась у себя дома и стала преклонять колена и молиться со стонами и плачем. Вошел ее сын и, видя ее нагою, изумился и сказал: «Матушка, одурела ты, рехнулась, — что это за позорище постыдное!».



А она говорит: «Сынок, ни слова не говори: сообщили мне, что серафимы и херувимы молились божеству нагими, я возревновала к ним и молюсь господу богу!». Сын сказал: «Да, матушка, и зад у тебя как у серафимов и херувимов!».



122. БАРСУК И ЛИСА

Барсука спросила лиса: «Отчего я всегда худа, а ты такой толстый?». Барсук ответил: «Ибо не ищу многого, а ем все, что бы ни нашел».



123. ВЛЮБЛЕННЫЙ ЛЕВ



Лев, изумленный красотою девы, воспылал страстью и, пойдя к ее отцу, просил ее себе в жены. А тот, боясь, не решался прямо отказать, но хитро приводил льву отговорки и говорил: «И я бы рад породниться с тобою, но дева моя напугана твоими когтями и громадными клыками, а если придешь ты, сбросив их, то еще более желанным и прекрасным женихом явишься!». Согласился лев, ибо весь утопал в страсти. И, вырвав когти и клыки, он явился за девой. А когда он вошел, то был забит камнями, ибо стал он безоружен.



124. ЛИСА И ОХОТНИКИ

Охотники травили собаками лисиц. Одна из лисиц обернулась и говорит: «Умоляю, скажите мне, по какой причине вы нас преследуете?». И говорят охотники: «Чтобы снять с тебя шкуру». А она говорит: «Господи боже, благодарение тебе, что только в этом их желание! А я-то думала, что они хотят поставить меня смотрителем куроводства в этом округе или же настоятелем цыплятника».





125. САМОУВЕРЕННЫЙ НЕВЕЖДА

Спросили одного мужа: «Видывал ли ты баню?». Тот ответил: «И даже отведал ее мяса!». Затем спросили: «На что же она похожа?». Тот говорит: «У нее такой же рог, как у свиньи». Тогда сказали: «Ну, этот человек не только бани, но и свиньи не видывал».





126. ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Собрались однажды тридцать зайцев, посовещались и сказали: «Давайте пойдем все вместе, кинемся в море, чтобы избавиться от этой горькой жизни; слишком уж слабыми создал нас бог, звери ли, птицы ли, все едят нас; лучше нам умереть, чем жить такой жизнью». Когда они бежали к морю, увидели множество лягушек, и, подняв крик, лягушки ускакали, попрыгали в воду и притаились. И, увидев еще более слабых, чем они сами, зайцы возблагодарили бога.



127. СОБАКА ГОНЧАРА



Волк похитил скотину, и погнались за ним собаки. Гонится и собака гончара и очень жмет волка. Обернулся он и говорит: «Проклятый пес гончара, у тебя-то что я уношу, стамеску, скребок или палочку для лощения горшков?».



128. БОДЛИВЫЙ БУЙВОЛ

Буйвол пожелал забодать своего хозяина, но не смог, и роптал на бога: «Он рога мои сделал не прямыми, а развернутыми». А хозяин, отвечая, сказал: «Бог знал твой дурной нрав, ради того и придумал так вырастить тебе рога».





129. ЗОЛОТО И ПШЕНИЦА

Золото потребовало, чтобы все материи поклонились ему на царство, и именовало себя царем. Все явились, не пришла лишь пшеница, говоря: «Подожду, пока, явившись, сперва оно мне поклонится».

Эта басня показывает, что положение материй изменчиво, ибо они не всегда бывают в почете: иногда та или иная возвеличивается, иногда лишается почета. Но, вследствие частой опасности голода, все материи склоняются перед властью пшеницы.





130. ЛИСА И СОБАКИ

Спросили лисицу: «Сколько ты знаешь различных уловок?». И говорит лиса: «Сто различных уловок хвостом я применяю перед собакой. Но самая высшая моя уловка в том, чтобы ни я не видала собаки, ни собака меня».



131. ЛАСКА И МЫШЬ



Воспылала ласка страстью к юноше и умоляла богиню Астгик, чтобы ей было дано стать прекрасной женщиной.

И, достигнув желаемого, она по виду стала женщиной.

Но после сговора с желанным была свадьба, и песни, и пляски круговые, и светильники горели у брачного полога, а она, увидев бегущую мышь, за нею погналась, чтобы ее словить.



132. ВОЛК И ЛИСА

Волк выследил стадо оленей и, погнавшись за одним из них, он столько его гонял, что тот пристал; и загнал волк оленя в ущелье, чтобы растерзать. И вот лиса выбежала из своей норы, бросилась в воду, отряхнулась, пришла к волку и, запыхавшись, говорит: «Дяденька, ну вот мы и пришли, и пригнали». Волк говорит: «О, пройдоха, где же ты была, когда я его из ущелья в ущелье гонял?». Говорит ему лиса: «Кровь затмила тебе глаза и ты, от вожделения, не видел меня; взгляни, ведь и я столько бегала из ущелья в ущелье, что вся в поту».





133. ПАНТЕРА

Пантера, погнавшись за дичью и упустив ее, со злости била и проклинала своего детеныша, а затем, раскаявшись, об этом сожалела.





134. ПТИЦА И КОНЬ

У индийского царя была птица, сносившая, как яйца, жемчуг и драгоценные камни. Услыхал об этом греческий царь и пожелал ее иметь; отправил послов и просил ее себе. Тот дал, но со своей стороны попросил себе его коня, быстротой превосходившего птиц. Хотя были тяжелы эти взаимные просьбы, оба тотчас их выполнили. Но птица, прибыв в Грецию, стала сносить яйца, подобно другим птицам, а конь, достигнув Индии, захромал и вовсе не стал скакать. Царь индийский возвращает коня с резкими укорами, и, точно так же возмущенно отсылают назад птицу. А конь и птица, возвратившись на свое место, стали такими же, как и прежде.



Эта басня не означает ничего иного, как что богатства каждого царства даны богом, и хотя ухищряются цари передавать их друг другу, но не могут.





135. ЛИСА И СВ. ГЕОРГ

Лиса переплывала реку, попала в водоворот и вопила: «Эй, святой Георг, эй, святой Георг, спеши ко мне, вызволи меня из этой беды, принесу тебе мерку ладана». Он поспешил и вытащил ее. Спаслась лиса из воды и избавилась от страха, пошла уселась под скалой и ворчала: «Посмотрите, что это за мерзость и какое безобразие! Пока святые были на земле, во плоти, так на колесницах и на конях восседали и причиняли миру слезы, а однажды претерпели мученичество и стали любезны богу, и вот теперь берут сначала взятку, а потом избавляют человека от беды». Пока лиса говорила, внезапно дрогнула та выветрившаяся скала и должна была рухнуть на нее. Возопила лиса: «Спеши мне на помощь, святой Георг, я тебе полторы мерки ладана принесу». Сжалился Георг и спас ее. Не умолкла лиса, пошла беспечно, ворчала и говорила: «Ну вот, опять, — полюбуйтесь





на это безобразие. Откуда у меня ладан, чтоб тебе принести, а, святой Георг? Кто я, купец, лавочник? Ну откуда у меня ладан? И нет его у меня, и тебе не принесу». Пока лиса это говорила и ворчала, неожиданно встретились ей охотники и спустили на нее своих гончих. Лиса мчится и вопит: «Ой, горе, эй, святой Георг, спеши же мне на помощь, я ведь пошла искать мерку, чтоб принести тебе ладан, и еще ягненка я тебе принесу». Но тот не явился. Схватили тут лису собаки и трепали ее, и так и сяк. Она визжала и говорила: «Горе мне, грешной перед святыми!». И, живьем взяв ее, сняли с нее шкуру и бросили. И явился ей тогда святой Георг и говорит: «Эй, лживая собака, ты окрашена кровью, но мученицей не будешь, а умрешь в долгу».







136. ТОЛКОВАНИЕ СНОВ



Некий царь видел во сне, что падали лисицы, точно дождь. Царь повелел оглашать: «Тому, кто истолкует мое сновидение, дам я одну тысячу дахеканов». Услышал об этом один бедняк и, явившись, сказал: «Если дашь мне три дня сроку, — объясню». Отправился бедняк в пустыню и бродил в раздумье. И был там один змей; увидев озабоченного человека, он сказал: «Что дашь мне, если я истолкую тебе видение царя?». Он отвечает: «Да будет тебе половина того, что мне обещал царь». Змей говорит ему: «Ступай и возвести царю: наступает время, когда люди будут коварны и лживы, как лисицы». Он пошел и сказал; слова его понравились, ибо люди и точно были такими, и царь дал обещанную тысячу монет. Но он змея обманул и не возвратился к нему, чтобы отдать его долю. После того царь опять имел другое видение: падали овцы, точно дождь. И он велел по-



звать того же человека, чтобы тот истолковал, как и первое видение. Человек попросил срок такой же, как раньше. И было ему стыдно вновь итти к змею, проявив неблагодарность, но он все же пошел, укоряя себя, и говорит: «Прости меня, истолкуй второе видение, и я дам тебе и за первое, и за второе толкование». Змей объяснил ему, не коря его за проступок: «Ступай и возвести, что близится время, и оно уже настало, когда люди будут чисты душою, как овцы». Человек явился и дал толкование. Одобрив его, царь дал опять тысячу дахеканов. Взяв их, человек понес змею тысячу дахеканов за первый и за второй раз. После того царь опять имел еще другое сновидение: падали мечи, точно дождь. Царь опять велел позвать того же человека, чтобы он истолковал и это сновидение. Человек попросил такой же срок, как раньше, и отправился к змею. Змей тотчас истолковал ему видение, как другу:





«Ступай и скажи: вот наступает время, когда появятся люди насилия и меча». Придя, сказал он это царю, и получил снова тысячу дахеканов. И отправился к змею, и говорит про себя: «К чему оставлять теперь змею ту тысячу дахеканов, да еще и приносить ему пятьсот других; ударю змея и умерщвлю его». Хотел он поразить змея, но это не удалось ему, ибо змей ускользнул от него. А человек раскаялся и подумал: «Зло я сотворил, как явлюсь к нему, если опять будет нужно?». Заметив, что он огорчен, змей ему сказал: «Не огорчайся, человек, ты не делал чего-либо сам от себя, а лишь действовал по веянию времени. Так, обман твой был во время притворщиков, раскаяние и отдача тысячи дахеканов — во время людей, чистых душою, и попытка нанести мне удар — во время людей насилия».







137. ЯЩЕРИЦЫ И КРОТ

От царя животных последовал приказ, чтобы все его подданные явились к нему. И все немедля собрались, явились. Пришли получить дары (ибо царь созывал животных, чтобы каждого почтить по достоинству каждого) даже агама, ящерица и крот, и все смеялись над ними. Почтил лев всех, каждого в соответствии с его разрядом. Спросил и их: «Какую вы будете нести у меня службу, чтобы получить от меня дары?». Агама и ящерица говорят: «Мы умеем проползать сквозь камни, проникаем в замки врагов твоих, государя нашего; если не сможем сами победить, то проведем туда войска». Крот сказал: «Мы, проникая в города, пресекаем родники». Одобрив это, лев почтил и их, многими презираемых.





ПРИЛОЖЕНИЯ

138. МУДРЫЙ СУДЬЯ

Говорится в баснях, что два мужа, очень дружных между собой, отправились в путешествие и один сильно потерял в торговле, а другой выгадал и разбогател. Они возвращались к себе домой и, прибыв, приблизились к своему городу. Бедный говорит богатому товарищу: «Брат, я испытал от тебя много доброго и любви, но самое главное то, что я у тебя попрошу и что было бы выше всего: нужно мне, чтоб ты проявил ко мне братское отношение и дал мне взаймы тысячу спитаков, чтобы этот год я мог удовлетворить нужды моего дома и моих детей, а в будущем году, в этот самый день, я верну тебе эти деньги. Считай, что ты ради своей души выкупаешь моих детей из плена». А тот, услышав это, с чистым сердцем дал ему тысячу драмов, сжалившись над его бедностью. И, отправившись оттуда, они пошли каждый к себе домой.

Когда исполнился год, пошел давший деньги к должнику и говорит: «Год истек, теперь отдай мне те деньги, чтобы я употребил их на нужды моего дома и моих детей». А тот в ответ говорит: «Я тебе не должен денег». А когда тот начал настаивать, говорит: «Иди, пойдем к судье». И, когда пришли, говорит им судья: «Ты брал у него деньги или нет?»; и другому: «Имеешь свидетеля и расписку?».

А когда судья узнал, что нет расписки и нет свидетеля, говорит тому, который дал деньги: «В том месте, где ты давал ему деньги, был кто-нибудь поблизости, или была какая-нибудь скотина, или была лошадь?». Давший деньги говорит: «Никого не было поблизости, вверху был бог, а внизу — мы двое! Он, умоляя, просил, я сжалился и дал, а теперь он отрекается!». Говорит судья: «А в том месте было ли дерево, был ли куст, был ли камень? Что это было за место?». Говорит хозяин денег: «Не было ни дерева, ни куста: это было у подножья скалы, сели мы там, отсчитал я деньги и дал ему, и, уйдя оттуда, пришли мы вместе в город, он к себе домой, а я — к себе!». Говорит судья хозяину денег: «Сможешь ли ты принести сюда тот камень или отломить от того камня образец и принести?». А тот выбежал наружу, дрожа за свои деньги и думая: «Пойду, тот камень приволоку на волах, или разобью его и принесу обломок».

И когда он ушел, говорит судья другому, который оставался при нем: «А он может сдвинуть тот камень с места, или разбить его и принести кусок?». Говорит тот, кто отрицал долг: «Если даже он запряжет тысячу волов — не сможет сдвинуть тот камень с места, и если приведет тысячу каменщиков — не сможет отломить кусок, ибо это твердая скала».

Тогда судья вернул назад того мужа, который ушел, и говорит отрицающему долг: «Пойди и отдай его деньги, ибо ты сам явился свидетелем того, что ты ему должен».

Итак, будучи пристыжен, тот уплатил деньги.

Показывает эта басня, что судья должен быть таким, чтобы, творя суд, находить выход из всякого дела. *(Вардан 222)*.

---

139. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВОЛКА

Рассказывается в баснях, что волк схватил ночью ягненка и хотел его съесть. Говорит ягненок волку: «О волк, слышал я от моих отцов, что волчий род — прекрасные трубачи и имеют прекрасный голос, и я имел заветное желание хоть раз услышать ваш голос; если уж бог отдал меня тебе, то вот я тебя прошу — сыграй разок на твоей трубе, чтобы я послушал и не остался при неисполнившихся желаниях. А затем съешь меня». И волк, поверив, присел на корточки, а обе передние лапы приложил к пасти и, подняв морду к небу, завыл. Услыхали собаки голос волка и, окружив, стали рвать его, и он убежал, едва избегнув смерти, а ягненок спасся и присоединился к стаду. Волк, окровавленный и истерзанный, пошел в горы и увидел два стада диких баранов, которые паслись. И явились ему навстречу два барана, один из одного стада, другой из другого, и сказали: «О волк, мы каждый день сражаемся друг с другом, — если мы пасемся в этой стороне, они говорят: „Это наше пастбище", а если мы в ту сторону идем пастись, — снова сражаемся за место; иди, отмежуй нам участки, чтобы каждый на своем участке пасся и чтобы нам больше не сражаться, и из каждого стада мы дадим по одной годовалой овце, чтобы ты пошел себе, поел».

Волк согласился, свесил хвост и стал чертить хвостом отметки и границы. И внезапно подошли оба барана, один с правой стороны, а другой с левой, уперлись рогами волку в бока и, стиснув, хотели разодрать волку брюхо, и едва он спасся от них. Убежал волк, окровавленный и измученный и голодный, и спустился в ущелье, где была мельница; дверь ее была открыта, и кот, сидя в дверях мельницы, умывался. Увидев кота, волк сказал в мыслях своих: «Я лишился ягненка и овец, во благо будет и этот кот». А тот убежал внутрь мельницы. Волк вошел за ним и толкнул

дверь, она захлопнулась, и остался волк в мельнице, а кот выскочил в окошко и убежал.

И говорит волк про себя: «О глупец, кто в твоем роду был певцом или трубачом, что ты завыл? А из-за этого проснулись собаки и хотели разодрать твое брюхо, и ты едва спасся от этого. Или что ты за кади или судья, что взялся выделять участки для диких баранов? А ведь рога этих баранов были готовы вонзиться в твое брюхо! Но и это тебя не образумило, — впрыгнул за котом в мельницу, а если дверь захлопнется, как тебе выйти? Вот, если бы сейчас пришел мельник, схватил бы тебя за хвост, да столько бы таскал тебя из стороны в сторону, чтобы остался твой хвост у него в руке, то это было бы вполне заслуженно!».

И пока еще его слова были на устах, пришел мельник, закрыл за собой дверь, увидел волка в углу мельницы и, взяв шест, принялся за бока волка, так что он был избит и не знал, как спастись, и, свесив голову в отверстие для воды, хотел убежать. Тогда мельник схватил волка за хвост и не отпускал его, волк рванулся, чтобы убежать, и хвост остался в руке мельника, а волк упал в жолоб и выбрался наружу через отверстие для воды.

Убежав, шел он окровавленный и проходил по дорожке через сад, в котором сидел грамотей и читал коран, а сам раскачивался над книгой. Спросил волк грамотея: «Что ты читаешь, о грамотей?». Говорит тот: «Что же мне читать? Ищу исполнения желания!».

И говорит волк: «О грамотей, если хочешь, чтобы быстро исполнилось твое желание, ты встань, пойти на эту мельницу и там выскажи твое желание, и пока еще слово будет у тебя на устах, — исполнится твое желание». *(Вардан 350).*

---

140. ВОЛК, ЛИСА И МУЛ

Волк, лиса и лошак побратались и пошли вместе, а когда проголодались и не встретилось им никакой пищи, сказали: «Давайте съедим того из нас, кому меньше лет». Это сказали волк и лиса, так как они хотели съесть лошака. Спросили волка: «Ты скольких лет, волк?». И он говорит: «Я тот волк, которого Ной взял в ковчег». Выступает лиса и говорит: «Ты моложе меня на десять поколений: я — та лиса, которую создал бог». Выступает лошак, — а было новолуние, — и говорит: «Мой год рождения записан на моем копыте, ну-ка посмотрите и прочтите, сколько мне лет». И поднял ногу. Лиса говорит волку: «Я знаю, что ты учился в школе, ну-ка прочти эту надпись». Волк поверил и подошел, чтобы прочесть. А лошак сказал: «Ближе подойди это мелкая надпись». Тот еще ближе подошел, а лошак очень сильно ударил волка и разбил ему лоб, и волк с воем отбежал. И говорит лиса волку: «Иди, тут еще одна строчка помельче, прочти и ее». Волк говорит: «Откуда мне было знать грамоту: мы из рода в род мясники и сыновья мясников».

Эта басня показывает, что каждый, кто оставляет свое ремесло, которому он обучался и которое изучил, и идет делать то, чего он не изучал и не знает, тот разобьет себе лоб, как этот волк, ибо каждый должен делать то, что он изучил. (*Вардан 141*).

---

141. КОЗЫ И ВОЛКИ

Собрались все козы и отправили послов к волчьему племени и сказали: «Почему вы питаете непримиримую вражду к нам? Просим вас заключить с нами мир как делают цари народов».

И волки собрались и порадовались великой радостью и отправили послов с длинным посланием и многими дарами к козьему племени и говорят: «Мы услышали о благом вашем намерении и возблагодарили бога, ибо мир — великая радость. И доводим до сведения Вашей Мудрости, что причина и начало распри и войны нашей — пастух и собака, и если вы их изгоните из посредства с нами, тотчас наступит и примирение».

И козы выслушали это и прогнали пастухов и собак. И заключили клятвенный и нерушимый договор.

И выйдя, разбрелись козы беззаботно по горам и глубоким долинам и стали пастись и благодарить бога.

И потерпели волки десять дней и собрались против коз и передушили их всех.

Басня выражает две мысли. Первая — та, что трудно утвердить мир среди тех, у кого сердце от природы ожесточилось во вражде вследствие ненависти народа к народу, рода к роду и человека к человеку. Потому трудно установить дружбу (любовь) и мир между ними, как то видим на (примере) богача и бедняка. А другая мысль та, что мы ныне отринули от нас и от всего рода человеческого пастыря, т. е. Христа и его святых, и собаку, т. е. внутреннюю доблесть и ненависть к грехам, и заключили мы любовь и мир с сатаною и его дэвами.

---

142. ОТРЫВОК ИЗ ПРОПОВЕДИ ВАРДАНА

Итак, если вы будете с радостью внимать и воспринимать, я покажу вам в простой притче, как ныне живут сыны человеческие.

Вот собрались вместе все козы и написали волчьему народу послание такое: «Мудрому, могущественному и победоносному народу Волчьему, богом укрепленному, а пишем мы, немощный, жалкий и неразумный козий народ. Бьем мы челом и приветствуем великославное царство Ваше, молим сжалиться над нами и заключить с нами любовь и

мир, чтобы прекратилась между нами вражда наследственная, — как это делают цари народов».

И прочел это волчий народ и обрадовался этому доброму предложению, и написали волки им послание, которое гласило так: «Мудрейшему, блаженнейшему, благочестивому, обновляющему души святому Козьему народу пишем мы грешный, злонравный и бесстыжий волчий народ. От всей души шлем мы вам привет и уведомляем вас, что ваша просьба внушена богом и она есть источник благ. Но мы слыхали от стариков и древнейших отцов наших, что пес и пастух суть виновники ссоры между нами и вами, и если вы изымете их, мы с радостью исполним то, что Вы изволили нам повелеть».

И, прочтя это, козы прогнали прочь пастуха и пса и приняли клятвенную грамоту и договор любви на сорок лет. Козы высыпали беззаботно, стали пастись по горам и полям, под тенью дерев, у вкусных студеных родников.

Потерпели волки сорок дней, а потом, собравшись, всех коз истребили.

И наступил мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вардан 298. Текст этой басни был сообщен, еще до издания «Сборников притч Вардана», Н. Я. Марром великому армянскому поэту Ованнесу Туманяну, который дал ее в развернутом переложении в балладе «Одна капля меда». Привожу начало этой баллады в переводе В. Ходасевича как замечательный образец творческого переложения сюжета.

ОДНА КАПЛЯ МЕДУ

Сказка

Один купец в селе своем
Торговлю всяким вел добром.
Однажды из соседних сел
К нему с собакою пришел
Пастух, саженный молодец.
«Здорово, — говорит, — купец!
Есть мед — продай,
А нет — прощай».
«Есть, есть, голубчик пастушок!
Горшок с тобой? Давай горшок!
Мед — вот он: что укажешь сам,
Отвешу мигом и продам».
Все по-хорошему идет,
За словом слово — тот же мед.
Отвешен мед — но как алмаз
На землю капля пролилась.
Жзз. . .: муха. Сладкий чуя мед,
Жужжит, звенит и к капле льнет.
Хозяйский кот, бочком, бочком,

За мухой крадется. Потом
В один прыжок
На муху скок!
И в тот же миг пастуший пес
Ощерился, наморщил нос,
Рванулся, взвыл
Что было сил,
Кота подмял,
За горло взял,
Сдавил, куснул —
И отшвырнул.
«Загрыз! Загрыз! Ах, котик мой!
Ах, чтоб те сдохнуть, пес чумной!».
Разгневался купец — и вот,
Чем попадя, собаку бьет.
Визжит собака — и рядком
С несчастным падает котом.
«Пропал мой лев, пропал, конец!
Кормилец, друг мой! .. Ну, купец,
Мерзавец, вор, такой-сякой! ..
Да провались домишко твой! ..
Ты смел собаку бить мою —
Отведай же, как сам я бью!».
Взревел пастух наш, над купцом
Дубину тяжкую с кремнем
Занес — и в миг хозяин злой
Упал с пробитой головой.
«Убили! .. Кто там? .. Караул! ..».
По всем кварталам шум и гул,
Народ стекается, кричит:
«На помощь! Караул! Убит!».
С нагорных улиц, из низов,
С дороги, с пастбищ, от станков,
Крича, кляня,
Вопя, стеня,
Отец, и мать,
Сестра, и зять,
Жена, и брат,
И кум, и сват,
И все дядья,
И все друзья,

И с тещей тесть,
И как еще их там — бог весть —
Бегут, бегут, бегут, бегут
И чем попало бьют и бьют:
«Ах, окаянный! Ах, пострел!
Да как ты мог? Да как ты смел?
Да с чем ты шел: товар купить
Иль даром душу загубить?».
И рядом с псом своим в углу
Пастух простерся на полу.
«Ну, постояли за купца.
Бери, кто хочет, мертвеца!».
И вскоре в ближнее село
Известье скорбное пришло.
— Эй, кто там есть?
Возможно ль снесть?
Ведь это наш пастух убит!..

Порой шалун разворошит
Гнездо осиное и прочь
Уйдет. Не то же ли точь в точь
Наделала и муха та?
Смятенье, шум и суета...
Что подвернулось второпях,
Хватают. Кто с ружьем в руках.
Кто с вилами, а кто с ножом,
С лопатой, с палкой, с топором,
Кто с заступом, кто вертел взял.
Тот шапку в спешке потерял,
Тот вскинул нá лошадь седло —
И все на вражее село.
«Что за бессовестный народ!
Ни страх, ни стыд их не берет,
К ним за товаром забредешь —
Накинутся — и в спину нож.
Тьфу, пропасть! Провалиться б вам,
Убийцам лютым, дикарям!
Пойдем, побьем,
Сожжем, сотрем!
Эй, ну-ка, не плошай, вперед!».
И вышел на народ народ.

И каждый бил, и бил, и бил,
Рубил, и резал, и громил,
И всяк, чем больше порубил,
Тем больше в ярость приходил.
Соседа бил сосед,
Соседа жег сосед,
И кто где жил —
Простыл и след.

2. Вардан 127; Лисья книга 131. «Благосостояние» или «устроение». Знаменательно, что и в основной рукописи «Сборника Вардана» и в Лисьей книге басня помещена рядом с близкой по значению басней 6.

3. Мхитар 77. Назидание: «Эта басня отмечает мудрость тех, кто, быв единожды проучен, снижает излишек пыла».

4. Мхитар 125. Назидание после слова «зла» — по венецианскому изданию.

5. Мхитар 112. Назидание: «Эта басня обличает ленивцев, ибо они, немного потрудившись духовно или телесно и не достигнув успеха, не на себя возлагают вину, а ропщут» и т. д.

6. Вардан 126; Лисья книга 130. См. прим. 2.

7. Мхитар 22. «Они хоть и не ветвисты», букв. «они хоть и не многоветвисты».

«Не пасть от испытания», в подлиннике: «испытаний от насильников (или тиранов) из числа дэвов и людей».

Конец назидания: «Можно стать легкоповергаемым, как поучает притча господня».

8. Мхитар 153. Назидание: «Познай из этого примера — если ты начинаешь благое дело, телесное или духовное, не оставляй его как постылое».

9. Вардан 99; Лисья книга 35. «Племя» или «народ».

10. Оломпиан 10. Назидание: «И ты, мыслитель, достоин наказания, ибо ты большой невежда, а прикидываешься ученым».

11. Вардан 293. Назидание: «Так и человек, который, оставляя (без внимания) свои пороки, поучает других».

12. Мхитар 1. «Великих и малых» — обычные социальные определения; «великие» — знать, вельможи.

13. Мхитар 117. «Что ты воздавал» и т. д., букв. «что ты воздавал хвалу не ради бога, а ради жадности».

14. Мхитар 126. Назидание: «Басня обличает нравы захватчиков (обидчиков): зная, что люди добродетельные не мстительны, они все более лютуют да еще похваливают поведение обижаемых» и т. д.

15. Вардан 103; Лисья книга 78. Назидание предостерегает от «козней сатаны».

16. Мхитар 115. Назидание: «Эта басня желает, чтобы мы жили на праведное и причитающееся нам по справедливости добро умерших, а не грабили беззаконно живых; тем самым мы станем долговечны на земле».

17. Вардан 16. «Прелестный», букв. «желанный». Назидание: «Эта басня показывает, что много мудрых людей поддаются обману и верят нелепостям подобно волку, а затем раскаиваются; многие берутся за дело, которое им не подходит, и попадают в беду».

18. Вардан 232. Назидание: «Так же точно жадные губят свои души, накопляя блага сего мира, которые, рядом с царствием небесным, подобны одной лишь мухе».

19. Вардан 40; Лисья книга 103. Назидание: «Эта басня показывает, что многие плачут и раскаиваются, что влезли в дело или ремесло, которому они не учились и которое не приносит им пользы в нужный час».

«Коновал», букв. «кузнец-подковщик»; эти кузнецы почти всегда бывают одновременно и коновалами (лекарями).

20. Мхитар 53. Назидание: «Вот смысл этой басни: мудрецы говорят, что устрашение исцеляет от страха, но если неразумно превысить меру, то люди духовно слепнут».

Гален — один из величайших врачей древности, жил во II в. н. э. Труды его в переводах с греческого были очень распространены среди народов Востока, в частности в Армении, в переводах с арабского стали известны средневековой Европе.

Териак — противоядие и лекарство против всех болезней.

21. Мхитар 85.

22. Мхитар 78. Назидание: «Уместное поучение тем, кто желает проводить время в праздности и без дела: надлежит сменять им

столько раз дела, пока они не примут на себя любое, ибо в безделье невозможно жить в обществе».

«Жить в обществе» выражено глаголом «гражданствовать», «действовать в городе», затем — «поступать, вести себя».

23. Вардан 97. «Повидать» по смыслу и форме имеет в виду церемониальное посещение и приветствование, обязательную в феодальной среде «визитацию», а не просто желание взглянуть на львенка.

«И принять участие в празднестве», букв. «для радостей», что в древнеармянском предполагает пир, пиршество, а не только увеселения.

Назидание: «Эта басня показывает, что перед богом лучше один муж, творящий добро, чем тысяча нераскаявшихся грешников, и лучше один бедняк, не заслуживающий ада, чем тысяча царей, достойных ада, и лучше один хороший сын, чем сто сыновей, нечестивых и злых».

В современном народном обиходе эта басня прилагается к похвальбе многими, но не существенными заслугами.

24. Вардан 86. Арамазд — древнеармянская форма имени древнеперсидского Ахурамазда (позднейшее Ормузд), имени высшего божества, светлого, благого начала в дуалистической религии. Назидание предостерегает от принятия чего-либо от мерзких и грешников.

25. Вардан 59; Лисья книга 75. Басня сохранилась в трех мало различающихся изводах. Назидания в этих трех изводах весьма различны. 1) «Эта басня показывает, что не следует бедняку тянуться за богатым или вступать с ним в борьбу, ибо не сможет он сладить с ним: как сказано в притчах, что рак повздорил со змеей и был растерзан, а также, что осел, нагруженный сокровищами, в грязь не упадет (т. е. богатому всегда удача), но истинное правосудие и суд будут в последний день». 2) «Басня показывает, что богачи и предводители сосут мозг народа и тех, кто нищает, — больше». 3) «Верблюд подобен праведному человеку, а лиса и волк неправедным, потому что они желали обмануть верблюда, как обманщики — чистых душою: так и сатана пытается обмануть праведных и непорочных» и т. д.

26. Вардан 39; Лисья книга 102. Назидание: «Басня показывает, что многие злодеи поучаются и оставляют свои злодеяния, когда цари

и князья вешают воров и нечестивых» и дальнейшее рассуждение о покаянии грешников явно не соответствует направленности повествования, возникшего в низовой среде и использованного верхами общества.

«Животных» — в обоих случаях букв. «овец».

27. Вардан 54; Лисья книга 58. Назидание говорит о долге игумена (настоятеля) и вардапета испытывать и проверять всех священников и их образ жизни.

Завеса — большой занавес на алтарном возвышении армянских церквей, отодвигаемый в правую для зрителя сторону, который скрывает от молящихся в определенные дни и моменты богослужения престол и стоящего перед ним священника.

28. Мхитар 35. Назидание: «Эта басня обличает тех, кто, будучи обвинены в явном пороке и стараясь его скрыть, тем самым больше изобличают себя, чем успевают утаиться».

«Цветок камыша» перевожу буквально, ввиду невозможности установить, какой именно цветок подразумевается.

В XI—XII вв. «солнцепоклонники» и «сыны солнца» составляли одну из наиболее преследовавшихся сект, подобно тондракцам и павликианам подвергались неимоверно жестоким гонениям. Не исключено, однако, что в данной басне может идти речь и не о сектантах христианской церкви, а об остававшихся еще на Кавказе, особенно в Албании, с южными окраинами которой соприкасалась деятельность Мхитара Гоша, зороастрийцах, которых армянские писатели обычно кратко определяют как солнцепоклонников, а принятие зороастризма — как согласие поклониться солнцу. В этой связи вспоминается и передаваемое Моисеем Хоренаци (кн. 1, гл. 31) древнейшее армянское сказание о рождении армянского солнечного героя — полубога Ваhагна (т. е. Веретрагны) из моря среди пылающих пламенем камышей или тростников. См.: И. Орбели. Бахрам Гур и Азадэ. Изд. Эрмитажа, Л., 1934.

29. Мхитар 154. «Малые» — социальное определение, ср. прим. 12. «Сильные» — слово, которое как существительное означает «властитель, династ».

30. Вардан 52; Лисья книга 57. Назидание забавно по своему явному несоответствию смыслу повествования: оно призывает наставников при воспитании паствы и врачевании грешников уподобляться этой лисе, проявляя долготерпение и кротость.

31. Мхитар 155. Известно, что гнездо удода действительно очень плохо пахнет. Назидание: «Обращена басня к тем, кто, хотя и достойны похвал за многое, но, имея один присущий им порок, не могут его скрыть, как бы они ни старались».

32. Мхитар 111. Назидание к этой басне весьма ценно как свидетельство о бытовых взаимоотношениях знати различных национальностей и вероисповеданий. «Эта басня отмечает коварство иноплеменных, которые обманывают простосердечных христиан, чтобы князья отдавали им своих сыновей, якобы для воздания им почета и возвеличения, и не желают, чтобы с ними был какой-либо наставник. Это — чтобы, опустошив их душу, убить их. А когда обнаруживается обман, уже родители ничего не могут сделать, кроме только оплакивания. То же можно видеть и в отношении дочерей».

«Воздания почета и возвеличения» может означать и «оказания гостеприимства и угощения».

«Убить» здесь должно означать убиение духовное, т. е. обращение в чужую веру.

33. Мхитар 56. Назидание: «Повествование велит нам пребывать в середине между страхом и дерзостью, ибо и то и другое плохо».

34. Мхитар 123. Назидание: «Басня изображает тех из верующих царей и князей, которые дочерей своих под разными предлогами дают в жены иноплеменникам, лишенным света, вследствие чего получается не согласие, а неизбежный разлад».

35. Мхитар 116. Назидание говорит о тех, кто, убоявшись смерти, на словах, но не на деле, посвящают себя богу.

36. Мхитар 124. Назидание: «Эта басня запечатлевает облик верующего царя и неверных: он благочестиво творит мирную жизнь, а они, пренебрегая им, восстают, не зная причины мирной жизни, и насмехаются над ним и даже подымают войну. И поневоле приходится беспощадно предавать их смерти».

37. Мхитар 118. Назидание: «Эта басня изображает поведение пастуха, который называл даром господу всех овец, съеденных зверями или задранных волком».

38. Мхитар 107. Назидание: «Эта басня подходит к тем, кто, оставив дурное поведение, снова возвращаются к старым привычкам, а будучи обличены, говорят: „Разве же только праведники бывают, ведь бывают и грешники“».

39. Мхитар 174. Гален — см. прим. 20. Назидание: «Из этого примера познаем, что надлежит внимательно слушать наставников и врачей и соответственно вести себя в жизни, из чего проистекает здоровье духа, и избегать чрезмерности как в излишествах, так и в самоограничении, ибо зло заключается и в том и в другом».

40. Вардан 212; Лисья книга 143. Назидания нет.

41. Мхитар 177. Назидание: «Басня раскрывает обычай злодеев почитать себя хорошими, хотя другим они вредят: но в этом они не находят себе оправдания, а подлежат каре и здесь и там» (т. е. в загробной жизни).

42. Вардан 96. Назидание: «Показывает эта басня, что отнюдь не следует злословить и осуждать кого-либо: пекись лучше о своем и взирай на свои грехи».

В Лисьей книге басня 74 в изводе, мало отличающемся, а назидание уточняет: «Показывает, что не должно, чтобы кто входил в дом царей или судей и наговаривал на других или передавал: да печется о своем и зрит перед собой свои грехи».

«Проведать», букв. «для повидания», см. прим. 23.

«Лучших врачей», букв. «глав над врачами», «глав врачей».

Заключительные слова лисы букв.: «Это вот в лицо и бороду тебе и тем, кто» — обычная форма позорящего обличения.

43. Вардан 78; Лисья книга 40. В одной из рукописей указано, что, готовясь напасть на оленей, лиса поручила волку поднять их побольше числом и гнать их на нее. Назидание: «Показывает басня, что не подобает человеку тянуться в гордыне своей выше своей меры и сил, как в духовных, так и в плотских делах, как случилось с лисой, а если потянется, то не будет иметь удачи»; следует ссылка на пример Адама и Евы.

44. Вардан 102; Лисья книга 76. В тексте литературное слово *капик* тут же пояснено более народным названием обезьяны *абузан*.

Назидание: «Показывает эта басня: не берись и не желай себе дела, в котором ты не сведущ, не подобает тебе ни телесная, ни духовная степень, ибо будет тебе убыток и выгоды тебе не будет, и в ничто ты обратишься».

45. Вардан 355. «Духовное лицо», букв. «клирик».

«Негодяй и т. д.» — можно понять: «после убиения ты говоришь: я ударил?!».

Назидания нет.

46. Вардан 90; Лисья книга 72. Назидание: «Эта басня показывает: не молись, чтобы товарища твоего постигло зло, дабы зло не приключилось тебе самому»; следует развитие мысли о том, что многие молитвы, неугодные богу, исполняются, но наперекор.

47. Оломпиан 12. Эта басня в более развернутом изложении и с заменой овец козами имеется в Вардановском сборнике 31 (см. 141).

48. Вардан 214; Лисья книга 145. «Кружка», букв. «уполовник, большая разливательная ложка».

«Ссужала взаймы» — имеется в виду дача взаймы молока соседям теми, кто в день получает недостаточно молока, чтобы каждодневно перерабатывать его на скопы: получив обратно ссуженное в течение определенного времени молоко, его перерабатывают сразу в большом количестве. «Молочное», букв. «сырое, влажность» — термин, которым определяются все молочные продукты, особенно заготовляемые впрок на зиму.

В назидании говорится, что хотя полное воздаяние обидчикам (грабителям, захватчикам добра) предстоит в загробной жизни, все же и в земной жизни им дается пример наказания для предупреждения.

49. Вардан 349. Драм — мера веса, около 4 граммов, и серебряная монета.

50. Вардан 56; Лисья книга 60. «Телки», точнее «телки по третьему году».

«Преследований» — можно понять как «понуканий, принуждений».

Назидание уподобляет этих телок людям, которые ублажают себя покоем, «упрекая, унижая и высмеивая праведников, которые трудятся». Ср. басню 88.

51. Вардан 106; Лисья книга 85. Назидание: «Очень недостойно, когда отроки поучают старцев, невежды — ученых, глупцы — мудрецов».

52. Оломпиан 1. Назидание: «И ты не верь, знай, что многое они ради своих уловок обещают, но длится их расположение к уповающим, лишь пока звучат их слова».

53. Вардан 130. Назидание переводит вопрос в плоскость суждения о грешниках.

54. Вардан 263. «Старейшина» — применен термин, в раннее время означавший главу рода или дома, а позднее — выборного старшину.

Назидание в религиозно-этической плоскости.

55. Вардан 339. Назидания нет.

56. Оломпиан 6. Назидание: «Итак, никакое утешение и ободрение не укрепляет трусливых по природе».

57. Вардан 19; Лисья книга 159. Назидание — не радоваться гибели врага и не кичиться победой.

58. Вардан 231. «Возвеличение» или «величие, звание».

Назидания нет.

59. Вардан 174; Лисья книга 6. Назидание о грешниках, погрязающих в трясине грехов и нечистотах, явно привнесено вместо несохранившегося, аналогичного поучению к басне 62.

60. Мхитар 101. «Поджав ноги», так как в школе не было парт и ученики сидели на полу.

«Наклонить голову» над книгой или соблюдая форму внимания к говорящему.

«Аудитория», букв. «слушальня», «место слушания» — обычный термин.

Назидание: «Эта басня наставляет нас избирать для каждого чина подходящего по складу и по нраву и в ином подобном».

61. Вардан 216; Лисья книга 147. Назидание: «Показывает эта басня, как неразумный человек, глядя на себя, воображает, что он способен победить великих, а будучи побежден, попадает в их руки, и тогда выявляется его бессилие».

«Великих» см. прим. 12.

62. Вардан 115. Назидание: «В каком бы деле ни был взращен человек, дурном или хорошем, очень трудно ему оставить отцовское, — и свойства и привычки». В одной рукописи назидание развивается: «Привычные свойства злее, чем прирожденное: прирожденное сын может подавить, а привычное изменить трудно».

Ср. басни 59 и 131, а также 63 и 64.

63. Вардан 345. В подлиннике, разумеется, даны армянские названия букв преподаваемой волчонку азбуки, в порядке армянского алфавита: *айб, бэн, гим, да, еч*. Соответственно подобраны названия прельщающей волчонка добычи: *айц* «коза», *буц* «баран-годовичок», *гарн* «ягненок, агнец», *дымак* «курдюк», а ответ на букву *еч* начинается словом *ес* «я». Заменив названия букв для удобства чтения русскими, сохраняю порядок армянского алфавита.

Содержание этой басни перекликается с рядом других армянских басен, где волк либо сам себя мнит грамотеем, либо прислушивается к льстивым речам лисы, напоминающей волку об его успехах в школе грамоты (ср. 139).

64. Мхитар 133. «Скворец» или «щегол».

Назидание о суетности земных радостей введено в краткой форме и в повествование, перед словами «стал глух».

65. Мхитар 102. Назидание: «Эта басня намекает на сварливых [злонравных], ибо они всегда сердиты, а иногда[?] отговариваются: пребывая в печали, мы не перенесли поучения».

66. Мхитар 96. Назидание: «Эта басня направлена против злых господ, ибо они и при жизни мучат и после смерти».

67. Вардан 167. Далее назидание говорит о духовных предводителях, которые не пекутся о пастве. Имеется очень интересный извод этой басни с противоположной направленностью и повествования и назидания, а именно (Мхитар 122):

АИСТ И ВОРОБЬИ

Стая воробьев отправилась к аисту и, умоляя его, говорят они: «В гнезде твоем дай нам место, чтобы вывести птенцов, и охрани наших птенцов от змей». А тот говорит: «Что вы для меня сделаете, чтобы я это сделал для вас?». И говорят они: «Будем молиться, чтобы Ваши птенцы росли во здравии, не страдая от вредности климата, и чтобы Вы, ради праведности Вашей, удостоились обетованной жизни». Вследствие этого дал им аист место. И случилось, что когда воробьи вывели птенцов, заползла змея, чтобы похитить из их числа. Аист, увидев это, ударил и убил змею, и ходил он все вокруг своих пределов, чтобы ради их спасения убивать всех змей.

«Басня учит нас разделять скорби слабых, дабы, ради оказанного им благодеяния, обрести спасение в обеих жизнях».

68. Мхитар 3. Назидание о царях, возгордившихся своими победами и славой, а в смертный час осознавших свою бренность.

69. Вардан 29; *Лисья книга* 39. В назидании лиса сопоставляется с «коварными людьми», а рак — с «немощными», далее следует рассуждение религиозно-этического характера.

70. Мхитар 160. Назидание говорит о том, что пока наше сознание (мышление) витает в небесах, оно выигрывает и не причиняет вреда, а когда склоняется к земле — порождает помыслы мерзкие и оскверняет тело.

71. Мхитар 128. Назидание: «Способным воспринимать достаточно, если им единожды или дважды толковать писание, а повторные поучения предназначаются для твердолобых» и т. д.

72. Мхитар 80. Назидание: «Басня поучает ропщущих слуг, которые думают, что они дают больше, чем получают от господ, но после наставления от мудрых познают, что ими данное — меньше».

73. Вардан 279. «Рак»: в армянском нет грамматического рода.

Назидание: «Так и предводители, которые сами идут криво, а народ поучают идти прямо, а народ видит, как идет предводитель, и тоже так идет».

74. Мхитар 106. Назидание: «Надлежит быть покорным богу не только ради получения здесь пропитания, но и дабы спастись от дэвов и вечной смерти».

75. Вардан 275. Александр Македонский неоднократно упоминается во многих баснях.

Назидание в религиозно-этической плоскости.

76. Мхитар 75. Назидание поучает наставлять больше примером, делом, чем словом.

77. Вардан 213. «Как полагается за находку» выражено одним словом, означающим букв. «находочное», т. е. «плата за находку».

Назидания нет.

78. Мхитар 18. Плодоносящее дерево *унаб* (zizyphus vulgaris) покрыто шипами, колючками.

Назидание говорит «о царях, князьях, судьях и церковных предводителях, судящих не вникая».

79. Мхитар 165. «Царь» — имеется в виду Александр Македонский.

Назидание не вполне вытекает из повествования и не совсем ясно: «Смысл этой басни в том, что и в духовном искусстве и в телесном почета достойны первые, хотя и нуждаются друг в друге». Ср. басню 81, где назидание полностью оправдано повествованием.

80. Вардан 76; Лисья книга 86. Назидание: «Скажи эту басню, когда тебя призовут на какое-нибудь дело или занятие, неподходящее и несоответственное или которое будет выше твоих сил».

81. Мхитар 167. «Медник и кузнец», букв. «бронзоделатель и железоделатель».

«Породнившись», букв. «вступив в свойство».

«Для всех» может означать и «для простых», а также «вообще, обществу, общественности»; слово, примененное здесь в подлиннике, в различных падежах и с разными предлогами означает и «средний, равный»; от него же образовано слово «общество, общественный». Повидимому, Мхитар хотел выразить мысль, что кузнец нужен всем, а без медника можно и обойтись.

82. Вардан 101; Лисья книга 5. «Царевич», букв. «царородный».

Назидание: «Басня показывает, что надлежит князьям, царям и судьям преследовать и малого злодея, дабы великие злодеи убоялись».

83. Мхитар 58. Назидание: «Эта басня хочет подать нам мысль, когда случится нам попасть в руки убийцы, выдавать себя за пользующихся почетом и высоко ценимых людей, чтобы в расчете на выкуп отвели нас домой к себе и мы могли болезнью или смертью избегнуть меча».

84. Вардан 341. Литра или литр — мера веса в средневековой Армении, составляла около 325 граммов. Наименование этой меры обычно и в новое время, но со значительными колебаниями количественного значения.

Этот «занимательный рассказ» может служить примером зарождения басни из забавной шутки, которая нередко лежит в основе повествовательной части, как и в полной горького сарказма басне 124.

85. Мхитар 178. Назидание говорит, что надлежит вступать в спор не из сварливости, а чтобы внести умиротворение.

86. Вардан 42; Лисья книга 104. Назидание: «Показывает эта басня: обещанного не считай своим и никого не благодари, пока не

получишь, а если тебе дадут воды, то немедленно пропускай ее в горло: ибо многие обещают и не дают обещанного, о брат, и оказываются лжецами».

87. Мхитар 105. Назидание: «Смысл басни ясен, ибо подобает царствование и все иное по отцовскому, а не по материнскому роду».

88. Вардан 18. Другой извод — Лисья книга 111. Басня сохранилась в четырех изводах по различным рукописям, различны и назидания. Из последних наиболее интересно и ценно приводимое ниже: «Басня показывает, что всякий, кто даром ест заработанное другими, как свинья, и жиреет, тот здесь понесет смертную кару от телесных судей, а затем на страшном суде даст ответ телом и душою». Едва ли под «телесными судьями» здесь можно подразумевать судей официальных, должностных.

89. Мхитар 4. Назидание: «Обличает повествование тех, кто, испытав в чем-либо почет, думает, что достиг положения великих, и в неразумии своем теряет и то, что имеет».

90. Вардан 270. Назидание в религиозно-этической плоскости.

91. Вардан 228. Назидания нет.

92. Вардан 57; Лисья книга 61. Назидание явно навязанное, призывает искупать грехи еще в земной жизни.

93. Мхитар 176. Назидание религиозно-этическое.

94. Мхитар 91. Назидание говорит о клятвопреступниках.

95. Вардан 14. Басня, явно имеющая в виду увлекшегося проповедника или вообще оратора, снабжена надуманным и несоответствующим рассуждением о бремени грехов.

96. Мхитар 81. Назидание: «Эта басня обличает тех, кто без толку бросаются проклятиями, кто, разъярившись из-за собственных пороков, винят других».

97. Оломпиан 2. Назидание: «Не надо всецело полагаться на природу, а во всем нужно также применять необходимые упражнения и старание».

98. Мхитар 82. Назидание: «Басня эта направлена против привычки завистников: если кто-либо преуспевает, благодаря своим качествам, того порицают, а себя, поскольку они не имеют этих качеств, — почитают за скромных».

99. Мхитар 61. Назидание: «Обманщики и лжецы много чего лживо говорят, чтобы войти в почет. А потом, будучи разоблачены и поносимы, нисколько не огорчаются, ибо удались их ухищрения».

100. Вардан 27; Лисья книга 97. Назидание: «Эта басня показывает, что царю подобает не только красота, но и доблесть, и боевая сила, и многообразная мудрость во всех направлениях».

101. Мхитар 136. Назидание: «Многим, по этой басне, случилось обмануться надеждой воцарения на основе одной удачи, соблазнившись словами подстрекателей: но, лишившись и своего, того (т. е. царствования) они не достигли».

Судьба павлина дает пример осуществления государем права на поголовное истребление рода, включая и грудных детей (мальчиков), вассала, нарушившего феодальную верность.

102. Вардан 84; Лисья книга 63. В назидании говорится о том, что первопричина духовной гибели каждого заключается внутри каждого, — эта басня, так же как басня 76 и ряд других, выражает мысль, характерную для армянского фольклора, в частности героического эпоса, что причиной неотвратимой гибели героя или обыкновенного человека является он сам или его чадо, отпрыск.

103. Мхитар 66. Наряду с вопросами войны захватнической или оборонительной, которые противопоставляются в басне, здесь идет речь о праве феодала на объезд своих владений с постоем у вассалов, обязанных достойно принимать господина, — об одной из наиболее разорительных и ненормированных феодальных повинностей: длительность пребывания «в гостях», так же как количество лиц, сопровождающих феодала, никак не были ограничены. «Набеги», точнее «наезды конные» — кратковременные, внезапные, случайные, иногда карательные, военные действия на чужой территории, чаще всего откровенно грабительские, участие в которых для вассала было так же обязательно, как в настоящей войне.

104. Мхитар 84. Назидание: «Эта басня учит, как избавляться от зла, применяя к иным и похвалы и порицание».

105. Мхитар 169. Назидание: «Басня имеет в виду многих, которые не терпят, если их корят худшие, чем они сами, но предоставляют право обличения праведным».

106. Вардан 166. Назидание о различии в степени тяжести грехов явно притянуто.

107. Мхитар 23. Назидание: «Ясна эта басня. Даже если будут люди родными братьями, но по характеру окажутся противными друг другу, то по необходимости разойдутся и предпочтут чужих, но сходных по нраву. И хотя бы их осуждали за это, никто не сможет доказать свою правоту в этом осуждении».

108. Вардан 356. Назидания нет.

109. Мхитар 132. Назидание переводит вопрос в религиозно-этическую плоскость.

110. Вардан 53. Назидание явно не имеет отношения к повествовательной части и обращено к духовным наставникам.

111. Мхитар 139. Назидание: «Басня мудростью этой птицы поучает нас: когда, засев в крепости, мы бережемся от сторонних врагов и испытываем теснение от врагов домашних, среди тех же домашних находить себе против них помощь». — В детстве я слышал об армянском народном поверьи, что ласточка непременно укладывает в свое гнездо кошачий волосок ради безопасности своих птенцов.

112. Вардан 165; Лисья книга 55 (другой извод). «Жеребенка» или «осленка».

Назидание: «Эта басня показывает, что бедняки страдают от своей бедности и просят у бога имущества и достатка, а цари и деспоты отбирают и грабят и то, что у них есть».

113. Вардан 107. См. прим. 102. Назидание явно добавлено и переводит вопрос в плоскость рассуждений о грехах, облегчающих сатане его дело.

114. Мхитар 121. Назидание: «Эта басня намекает на алчных священников. Ибо они отлучают от церкви блудодеев, а также других мерзостных, устрашая их, а потом за взятку опять принимают их, выставляя какие-нибудь предлоги, и причащают». Такое назидание, в сущности только переводящее басню с языка иносказания на обычный язык, подтверждает уверенность Мхитара в ее справедливости.

115. Мхитар 59. Назидание: «Недостойные в любом месте сначала пользуются почетом, а при появлении достойных оказываются в пренебрежении; и чем дольше, тем их негодность становится все более ясной».

116. Вардан 77; Лисья книга 87. Назидание переводит вопрос в плоскость религиозно-этических рассуждений о тяжести грехов.

«Дары пожалуй» — имеется в виду обязательный подарок, которым принято награждать принесшего добрую, желанную весть — о рождении сына или внука, о возвращении после долгой отлучки отца, сына, мужа и т. п.

117. Мхитар 72. Назидание: «Побуждает нас эта басня вовсе не верить обманным словам иноплеменных, ясно храня в памяти прежние обманы в отношении других, ибо они жаждут крови христианина, а не оказывают почет». Таким образом, басня смыкается с басней 32, где та же мысль проводится несколько более суженно, но ярче.

118. Вардан 365. Назидания нет. Библейский царь Соломон считался особенно тесно связанным с животным миром, как бы царем не только людей, но и зверей и птиц, притом принявшим на себя прокорм зверей и птиц.

119. Вардан 160; Лисья книга 52. Назидание: «Эта басня показывает, что богачи сосут мозг народа, и часто случается, что бедняк от гнетущих его бедствий умирает». Назидание в Лисьей книге: «Показывает (басня), что богачи и князья сосут силу народа и что тех больше, кто беднеет от сверх-выгадывания царями и князьями и (духовными) предводителями и так терпят от нищеты, что умирают».

В арабском переводе этой басни Вардана, относящемся к XIII в., назидание несколько отличается: «Показывает нам, чтобы мы не водили дружбы с более сильными, чем мы, так как влиятельные съедают силу народа и люди весьма беднеют от множества чрезмерных повинностей своим царям, начальникам и судьям, а равно тем, которые притесняют нуждающихся, — и умирают» (перевод Н. Я. Марра).

«Сосут мозг» (а в Лисьей книге «сосут силу») переведено мною буквально. Выражение, переведенное мною «сверх-выгадывание», буквально означает именно это и образовано от глагола, состоящего из слов «сверх, с излишком, с лихвой» и «выгадывать, выручить, заработать». Несмотря на то, что все эти варианты назидания кажутся притянутыми к повествованию, где основанием может служить лишь пример нарушения обета побратимства и учинение двойного насилия, — само наличие

в назиданиях такой острой формулировки заслуживает внимания. Ср. басню 59.

120. Мхитар 93. Назидание: «Эта басня осуждает насильничающих князей, ибо они наказывают воров, а сами насильничеством творят то же самое».

121. Вардан 75. Назидание: «Скажи эту басню, когда кто возгордится или станет кичиться или тянуться выше своих сил».

«У себя дома» или «в своем доме» можно понять и «в своем покое, в своей комнате».

122. Мхитар 94. Собеседником лисы является, несомненно, барсук, поскольку это — дикое животное, всеядное, жирное, живущее в норе. Известно также, что лисицы любят селиться в запасных верхних ходах барсучьих нор и что они мирно между собою уживаются. В тексте барсук назван *чагар* — словом, в новом языке означающем кролика. Древнее название барсука, весьма распространенного в Армении, не известно.

123. Оломпиан 3. Назидание: «Поучает многих эта басня не бросать природного оружия».

124. Вардан 105. «Смотритель куроводства» — точнее «производящий случку кур». «Настоятель цыплятника» — применен термин, означающий «предводитель», в церковном обиходе — «игумен, настоятель», «епархиальный архиерей». Упоминание цыплятника раздельно от кур наводит на мысль, не имеется ли здесь в виду действительно «цыплятник большого куроводства», учитывая, что уже в XIII в. на Востоке, в частности в сиро-египетской среде, была разработана и в больших масштабах применялась техника выведения цыплят в инкубаторах с печами, допускавших выведение громадного количества птицы для султанского двора.

125. Вардан 343. Назидания нет.

126. Вардан 163. Назидание: «Показывает эта басня: „О человек, не взирай на того, кто выше тебя, а взирай вниз, на тех, кто беднее тебя, и утешься, и если ты грешен, то не взирай на весьма праведных, а взирай на многогрешных людей и утешься“» и т. д.

127. Вардан 91. Назидание расплывчато говорит о том, что не следует плохо говорить о том, с кем не имеешь счетов, хотя бы он прежде был твоим врагом.

128. Мхитар 108. Назидание: «Эта басня подходит к злопамятным, ибо бог никогда не дает им взыскать месть по их желанию».

129. Мхитар 168. Эта интереснейшая басня Мхитара дошла до нас, повидимому, с некоторыми дополнениями и в повествовательной и в назидательной части. Вставки эти, видимо, внесены были, когда данную басню не вполне обоснованно стали рассматривать как относящуюся к ремесленному обиходу. Так как выше басня эта дается мною в своем первоначальном, как я себе представляю, виде, здесь я даю ее полный перевод, с выделением курсивом вставных мест, относящихся к бытованию в ремесленной среде.

«Золото потребовало, чтобы все материи поклонились ему на царство и именовало себя царем, *ибо оно стало образом царя, и тем же кичился и мастер* (обрабатывающий его) *над серебряками и иными.* И когда все явились, не пришла лишь пшеница, говоря: „Подожду, пока, явившись, сперва оно мне поклонится". — Эта басня показывает, что положение материй переменчиво, ибо они не всегда бывают в почете: иногда та или иная возвеличивается, иногда лишается почета. Вследствие частой (или «много раз») опасности голода, все материи склоняются перед властью пшеницы. *Подобно и на других можно видеть. Согласно сему случается и среди ремесленников, над каковыми не должно чваниться».*

130. Вардан 79. Назидание поучает лучше не грешить, вместо того чтобы грешить, а потом каяться в грехах.

131. Оломпиан 4. Назидание: «Так природные черты непреодолимы и во всем господствуют».

132. Вардан 344. Назидания нет.

133. Мхитар 92. Назидание: «Басня обличает жестокосердных, которые, если случится что-либо недоброе, в нетерпении огорчают домашних, а затем раскаиваются».

134. Мхитар 161. О вероятном историческом поводе к созданию Мхитаром Гошем этой басни см.: И. Орбели. Һасан-Джалал. Давла Хаченский. Изв. Акад. Наук, 1909, стр. 407.

135. Вардан 72. Заключительный эпизод повествования и назидание призваны смягчить впечатление от резких суждений лисы, явно направленных против знати и церкви, взятых из народной среды и лежащих в основе повествования.

Назидание: «Это тот, кто обещает богу, или кресту, или церкви, или святым, или человеку, а затем обманывает и не дает».

В Моксе (области к югу от Ванского озера) я записал два рассказика на сходную тему, в которых также выступает св. Георг. Привожу их здесь.

1. КАЧЕТЕЦ И УПОЛОВНИК

Мужик из Качета утром затемно встал, взял сумку, взял веревку, стал искать косарь, а ручка деревянного уполовника попалась ему под руку; он подумал, что это косарь, положил уполовник в сумку и ушел. Дошел до леса, взял уполовник за ручку, ударил по суку, чтобы разрубить, головка уполовника отломилась, отлетела в сторону. Сказал:

— Ой, мой косарь сломился.

Бросился, стал искать косарь. Сказал:

— О, Путки, если бы я нашел мой косарь, я дал бы тебе миску проса.

Головка уполовника попалась ему под руку. Сказал:

— Чорт бы побрал святого Георга, я еще не нашел мой косарь, а он уж шлет миску за просом! Ей-ей, не видать тебе проса, пока не найду мой косарь.

Так без дров и пошел домой.

2. ВОЗИМЕЦ И МУЛ

Возимец нагрузил мула, прошел немного по дороге, мул (поскользнулся) и покатился вниз. Сказал:

— О, святой Георг, только бы мой мул остановился, — я бы принес тебе фитиль (к лампадке).

Мул остановился. Сказал:

— Ой, святой Георг, какой же ты жадный, из-за одного фитиля остановил мула!

Еще раз покатился мул. Сказал:

— О, святой Георг, если бы мой мул остановился, я бы дал тебе половину вьюка!

Мул не остановился. Еще раз сказал:

— О, святой Георг, если б остановился, всего мула с вьюком дал бы тебе.

Но (мул) не остановился, покатился, околел.

136. Мхитар 100. Назидание пересказывает слова мудрого змея: «Басня эта показывает, что надлежит судить о людях по времени и быть настороже. Ибо время порождает людей разного характера, одно — коварных, другое — чистых душою, а иное — тиранов, и много других подобных».

Эта басня хорошо известна в армянской народной среде и независимо от басенного сборника Мхитара Гоша. Она сохранилась в устном предании — и осложнившись сказочным оформлением о бедняке, который отчаялся в возможности добыть средства к жизни и выступил в качестве толкователя снов, — и как короткий назидательный рассказик, очень мало отклоняющийся от изложения Мхитара.

«Змей» — в подлиннике «вишап»: в позднее время, в XII—XIII вв., этим словом определялись уже не колоссальные рыбы — в древнейшей Армении божества водной стихии и орошения, а драконы, сухопутные чудовища, в том числе и многоголовые.

137. Мхитар 113. Назидание: «Эта басня показывает, что все нужны, и великие и малые, не только царям, но и всем князьям и мирянам, а также в церквах».

О «великих и малых» см. прим. 12.

141. Вардан 31. Эта басня, сохранившаяся в Сборниках Вардана не в одном изводе, является несомненно перепевом, несколько развернутым, басни 47, интересна не только своим более оживленным, менее схематическим повествованием, но и тем, что здесь мы встречаем не овец, а более игривых и (в баснях) более легкомысленных коз. Особую ценность представляет назидание к этой басне, в котором имеем пример сочетания в одном назидании двух совершенно различных суждений, притом идущих явно из различной среды, а именно — так сказать, общегражданской, низовой и среды церковнической, в угоду которой в назидание и была введена вторая мысль для смягчения и как бы маскировки слишком остро выраженного смысла первого суждения.

142. Можно полагать, что эта тема привлекала к себе внимание Вардана и его аудитории, потому что кроме изводов, вошедших в сборники басен и притч Вардана, сохранился отдельный вариант этой же басни, включенный Варданом в одну из его проповедей, дошедшую до нас в наиболее древней датированной рукописи.

Этот извод басни сохранился не в сборниках притч, а в сборной рукописи, в которую вошли две проповеди или два отрывка проповедей Вардана Айгекца и которая хранится в Ленинграде, в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР (под шифром А. 28, на листах 46—66). Рукопись эта была приобретена Н. Я. Марром для Азиатского музея Академии Наук в 1893 г. во время его поездки по Армении и представляет исключительную ценность, так как по дате написания (1320 г.) отделена 70—80 годами от времени деятельности Вардана. С другой стороны, этот извод рассказа о мирном договоре между волками и козами является непревзойденным в армянских средневековых баснях образцом жонглерской передачи схемы, данной в басне 47. Мы не имеем другого примера так настойчиво проводимой иронии во всем складе повествования и в каждом его слове, что и побудило меня применять прописную букву в слове «вы» и в наименованиях адресатов грамот, о которых говорится в басне. Горькая ирония сказывается и в последних трех словах повествования, как и в последних словах повествования басни 1. Армянский текст этого отрывка проповеди Вардана напечатан по рукописи Азиатского музея Академии Наук (А. 28) Н. Я. Марром с его русским переводом в I томе труда «Сборники притч Вардана» (стр. 351—352).

ИЗДАНИЯ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

1. **Мхитар Гош. Притчи.** Текст с комментариями и введение Эм. Пивазяна. Изд. Академии наук Армянской ССР. Литературные памятники, А, Ереван,. 1951.

2. Н. **Марр. Сборники притч Вардана.** Материалы для истории средневековой армянской литературы [Изд. Факультета восточных языков Петербургского университета]: ч. I. Исследование. С.-Петербург, 1899; ч. II. Текст. С.-Петербург, 1894; ч. III. Приложения. С.-Петербург, 1894. [В ч. I — исследование и переводы многих басен с армянского и арабского языков].

3. **Притчи Мхитара Гоша.** Венеция, монастырь мхитаристов, 1842. [Во второй половине книги — притчи Оломпиана. Всё — на армянском языке].

4. **М. М. Дьяконов. Ширванский водолей 1206 г.** [в виде коровызебу]. Сб. «Памятники эпохи Руставели», изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1938. [Другие статьи этого сборника содержат материалы, характеризующие культуру народов Кавказа XII—XIII вв.].

УКАЗАТЕЛЬ СООТВЕТСТВИЙ
НОМЕРОВ БАСЕН ПО ИЗДАНИЯМ МХИТАРА ГОША (М), ОЛОМПИАНА (О) И ВАРДАНА АЙГЕКЦА (В) С НУМЕРАЦИЕЙ БАСЕН В ЭТОЙ КНИГЕ

М 1 — 12	М 105 — 87	М 174 — 39
М 3 — 68	М 106 — 74	М 176 — 93
М 4 — 89	М 107 — 38	М 177 — 41
М 18 — 78	М 108 — 128	М 178 — 85
М 22 — 7	М 111 — 32	О 1 — 52
М 23 — 107	М 112 — 5	О 2 — 97
М 35 — 28	М 113 — 137	О 3 — 123
М 53 — 20	М 115 — 16	О 4 — 131
М 56 — 33	М 116 — 35	О 6 — 56
М 58 — 83	М 117 — 13	О 10 — 10
М 59 — 115	М 118 — 37	О 12 — 47
М 61 — 99	М 121 — 114	В 14 — 95
М 66 — 103	М 123 — 34	В 16 — 17
М 72 — 117	М 124 — 36	В 18 — 88
М 75 — 76	М 125 — 4	В 19 — 57
М 77 — 3	М 126 — 14	В 27 — 100
М 78 — 22	М 128 — 71	В 29 — 69
М 80 — 72	М 132 — 109	В 31 — 141, 142
М 81 — 96	М 133 — 64	В 39 — 26
М 82 — 98	М 136 — 101	В 40 — 19
М 84 — 104	М 139 — 111	В 42 — 86
М 85 — 21	М 153 — 8	В 52 — 30
М 91 — 94	М 154 — 29	В 53 — 110
М 92 — 133	М 155 — 31	В 54 — 27
М 93 — 120	М 160 — 70	В 56 — 50
М 94 — 122	М 161 — 134	В 57 — 92
М 96 — 66	М 165 — 79	В 59 — 25
М 100 — 136	М 167 — 81	В 72 — 135
М 101 — 60	М 168 — 129	В 75 — 121
М 102 — 65	М 169 — 105	В 76 — 80

B 77 — 116
B 78 — 43
B 79 — 130
B 84 — 102
B 86 — 24
B 90 — 46
B 91 — 127
B 96 — 42
B 97 — 23
B 99 — 9
B 101 — 82
B 102 — 44
B 103 — 15
B 105 — 124
B 106 — 51
B 107 — 113
B 114 — 140
B 115 — 62
B 126 — 6
B 127 — 2
B 130 — 53
B 160 — 119
B 163 — 126
B 165 — 112
B 166 — 106
B 167 — 67
B 174 — 59
B 212 — 40
B 213 — 77
B 214 — 48
B 216 — 61
B 222 — 138
B 228 — 91
B 231 — 58
B 232 — 18
B 263 — 54
B 270 — 90
B 275 — 75
B 279 — 73
B 293 — 11
B 298 — 1
B 339 — 55
B 341 — 84
B 343 — 125
B 344 — 132
B 345 — 63
B 349 — 49
B 350 — 139
B 355 — 45
B 356 — 108
B 365 — 118

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК БАСЕН[1]

[1] В скобках указаны номера басен по сборникам Мхитара Гоша (М), Оломпиана (О) и Вардана Айгекца (В). Остальные цифры — номера басен в данной книге.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(Развернутый текст басен и сводные новеллы)

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом Академии наук Армянской ССР

Технический редактор *А. А. Кирнарская.* Корректор *Н. А. Браиловская*

РИСО АН СССР № 3—120В. Подписано к печати 29/IV 1956 г. М-24383. Бумага 70 × 92 1/16. Бум. л. 5 5/8. Печ. л. 13,16. Уч.-изд. л. 7,39. Тираж 30 000 (1—17 000). Заказ № 388. Цена в переплете 6 р. 45 к., в обложке 4 р. 45 к.

1-я тип. Изд. Акад. Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

